

ТРОПОЙ АТЛАСОВА

Предлагается новая версия маршрута В. Атласова по Камчатке. Согласно ей, отряд казаков от Анадырска двигался к устью р. Пенжины не по долинам рек Майн и Черной, а напрямую, через перевалы Модинский и Налгимский. От устья р. Пенжины отряд пошел не по восточному побережью Пенжинской губы, а по тропе, проложенной коряками через северные части Парапольского дола и Ветвейского хребта к реке Алюторе (современной реке Вывенке). Здесь отряд разделился на две половины. Одна из них под предводительством Л. Морозко после похода к реке Ануке повернула назад и вышла на восточное побережье полуострова. Другая часть под руководством самого В. Атласова от устья реки Алюторы проследовала вдоль побережья Берингова моря вплоть до реки Валоваям. Пройдя долиной этой реки до тропы, ведущей к бухте Подкагерной на западном побережье полуострова, казаки вышли в долину реки Пустой. Отсюда по оленным перевалам и корякским тропам они направились на юг, вплоть до реки Тигиль.

В 2007 г. исполняется 310 лет со времени присоединения Камчатки русскими казаками под руководством пятидесятника В. Атласова. Юбилей, по сравнению с недавним трехсотлетием этого события, не очень знаменательный. И все же он дает повод поговорить о некоторых неточностях или неясностях, если хотите, в истории открытия и освоения Камчатки. В том числе и о том, что знал или что мог знать казацкий пятидесятник, когда он набирал людей и «влезал в кабалу», чтобы осуществить поход на Камчатку?

Надо сказать, что знал он немало, так как иначе вряд ли решился бы на собственный страх и риск предпринять поход, не разрешенный якутским воеводой. Вот и попробуем разобраться в этом, имея желание понять логику поступков этого незаурядного честолюбца и отважного конкистадора, и на этой основе попытаемся исправить некоторые из ошибок в истории и географии полуострова.

Однако прежде чем начать разговор о самом походе отряда В. Атласова, позволю себе сделать несколько небольших отступлений, необходимых для прояснения сути дела. Первое из них относится к тому, что за долгие годы странствий по Камчатке мне довелось исходить все пространство, расположенное между реками Пятибраткой и Паланой на юге и рекой Пустой на севере, причем исходить от самого морского побережья и до Срединного хребта включительно. Довелось мне поработать с геологами и вулканологами на Парапольском долу в районе Таловского озера, в бассейнах рек Воямполка и Тигиль, в Срединном хребте — в районе от реки Быстрой до реки

Киревны; проходить и частично проплывать по рекам Еловке, Белой (Крестовой), Камчатке, Быстрой, и Анавгаю. И тем самым в той или иной мере «прочувствовать ногами» некоторые из тех мест, где проходил В. Атласов со своими спутниками. Помимо этого, мне пришлось побывать в устьях многих рек западного и восточного побережий полуострова. Ну и, разумеется, по пути к этим и другим местам я внимательно, с чисто профессиональным интересом, рассматривал из иллюминаторов вертолетов и самолетов лежащую внизу местность.

Так что у меня есть достаточно оснований для того, чтобы примерить на себе (или смоделировать, как ныне принято говорить) условия и особенности передвижения отряда В. Атласова.

Второе отступление связано с тем, что лишь недавно соприкоснувшись с историей открытия и освоения Камчатки, я с некоторым удивлением обнаружил в этой самой истории изрядное количество неувязок, неточностей, а то и попросту откровенных ошибок. Они нередко приводили многих авторов к не совсем верным, а иногда и вовсе к неверным выводам при оценке реальных исторических событий.

Забегая несколько вперед (то есть, предваряя конкретные факты выводами, а не наоборот), скажу, что, на мой взгляд, обусловлено это было рядом причин. Излишне, например, буквальным восприятием некоторых, далеко не всегда очевидных исторических документов. Или наоборот, столь же излишне вольной трактовкой однозначных исторических фактов. Немаловажную роль в появлении исторических и географических ошибок играет также и то, что многие историки недостаточно хорошо знают специфические особенности природы региона, а многие географы — особенности процессов его открытия и освоения, в результате чего первые часто путаются в географии, а вторые, и не менее часто, — в истории.

Впрочем, дабы не быть голословным, приведу несколько примеров, напрямую относящихся к теме нашего дальнейшего разговора. Так, в «Скаске» пятидесятника Владимира Атласова написано: «И после ясного платежа в том же 205 году, по наказной памяти пошел он, Володимер, из Анадырского на службу великого государя, для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясных людей, которые под царскою великодержавною рукой в ясном платеже не бывали» [27, с. 20].

Суть дела тут заключается в том, что 205 г. по русскому календарю того времени соответствует 1697 г., исчисляемому по установленному Петром I с 1 января 1700 г. юлианскому календарю. Однако, поскольку 205 г. начинался 1 сентября, то 1697 г. по юлианскому стилю следует отсчитывать с 1 января 205 г. И если не помнить об этой разнице в летоисчислении, то можно ошибиться в хронологии. Что, по-видимому, и произошло с Л. С. Бергом, кото-

рый, заявляя, что «В. Атласов во главе 60 служилых людей и с 60 ясачными юкагирами отправился из Анадырска в начале 1697 г.» [4, с. 90], скорее всего, имел в виду начало 205 г. Или с авторами книги «Русские землепроходцы и мореходы: Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока», согласно которым «отряд численностью в 120 человек (60 русских и 60 юкагиров) в начале 1697 г. выступил из Анадырского острога, перевалил на оленях через Корякский хребет и устремился на юг» [1, с. 55—56]. Здесь также, видимо, упущена из виду названная разница в летоисчислении. Ибо, уточню еще раз, декабрь 205 г. допетровского календаря соответствовал 1696, а не 1697 г. юлианского календаря.

Несколько иная ситуация сложилась с предположением В. Д. Сергеева, утверждающим, что «весной 1697 г. Атласов вышел из острога с отрядом из 65 казаков и 60 юкагиров» [26, с. 40]. В том смысле иная, что в данном случае автор, как мне представляется, прибавил три месяца к юлианскому календарю. Кстати, у В. Д. Сергеева появляется еще и разница в числе казаков, следующих с В. Атласовым. Но об этом поговорим попозже. А пока добавлю, что совершенно непонятной выглядит точка зрения А. В. Ефимова, который пишет: «В. Атласов прибыл в Анадырь в августе 1697 г. и в этом же году отправился в поход на Камчатку» [7, с. 123]. В том смысле непонятной, что в августе 1697 г. Атласов уже был на Камчатке, а в Анадырьск он прибыл 29 апреля 1696 г. [23, с. 84].

И вовсе из ряда вон выходящей оказывается интерпретация реального исторического факта Е. П. Орловой: «Из Тигиля Атласов подал в Якутск челобитную с просьбой разрешить идти на Камчатку-реку и, получив разрешение, взял двух вожжей (проводников), оленей и с оставшимися людьми пошел на реку Камчатку» [22, с. 14]. Дело в том, что это не В. Атласов писал челобитную в Якутск, а казаки отряда били, по обычаю того времени, челом царю через него: «И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними идти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут» [27, с. 22]. Так что ни у кого Атласов разрешения на поход к реке Камчатке не спрашивал.

Более того, он и не мог его спрашивать, ибо весь поход Атласова длился два с небольшим года, причем сам он от Камчатки до Якутска добирался, правда, с полугодовой задержкой в Анадырском остроге, без малого полтора года. То есть, расставляю все точки над *i*, никак он не мог сидеть в Тигиле два с лишним года в ожидании разрешения. Как, кстати, не мог и умолчать о челобитной, ибо в те времена за умолчание подобных вещей (вспомним знаменитое «слово и дело») наказывали с беспощадной суровостью.

Но самой принципиальной ошибкой многих исследователей является не столько даже искажение конкретных документов и фактов, сколько не сов-

сем, скажем так, верное освещение ими целей и задач похода В. Атласова. Дело в том, что многие историки, говоря о целях и задачах продвижения русских служилых и промышленных людей «встречь солнцу», акцент в оценке помыслов землепроходцев делают на «прииске новых земель». Например, известнейший русский историк Б. П. Полевой так и пишет: «Получив подробную информацию о камчатском походе Л. С. Морозко 1695—1696 гг., Владимир Атласов сразу же загорелся желанием организовать новый большой поход с целью присоединения к России всего великого южного полуострова» [24, с. 84].

Однако вопреки этому и подобному («С самого начала Владимир Атласов поставил своей главной задачей присоединить весь полуостров Камчатка к великой России», [24, с. 84]) мнению видного историка, в основе устремления русских на Крайний Север и Северо-Восток стоял, простите за невольный каламбур, «шкурный» интерес. Шкурный, как в прямом смысле, то есть добывание для царской казны шкур ценных пушных зверей любым (охота, скупка, мена, ясак, грабеж и т. д.) доступным способом, так и в переносном — личное обогащение за счет пушнины. Впрочем, тут я не открываю «Америк» ибо эта мысль «о выдающейся роли торгового элемента в освоении Сибири» проходила красной нитью, например, в исследованиях С. В. Бахрушина, Н. И. Никитина, М. М. Белова и других ученых.

О том же, что в результате таковых походов действительно можно было обогатиться, свидетельствуют данные торговых операций и объемы изымаемого с коренного населения ясака, согласно которым в середине XVII в. торговля с Сибирью обеспечивала треть доходов царской казны [7, с. 81]. При этом даже рядовые казаки, которым в 1640 г. было разрешено заниматься после сбора ясака пушным звериным промыслом и торговлей [3, с. 48], могли заработать от нескольких сот до нескольких тысяч рублей в год при официальном (для сравнения) годовом жаловании в пять рублей.

Да, конечно же, большая часть землепроходцев в таковых походах прогорала. Да, безусловно, значительное, до половины, число служивых и промышленных людей вообще бесследно сгинуло в бескрайних просторах Сибири и Северо-Востока. Но так было всегда и везде. И не только в России. Вспомним, ведь и Христофора Колумба к Америке привели не мечты об открытии новых земель, а пряности Индии; и Э. Кортесом и Ф. Писарро двигало не намерение открыть новые земли, а золото ацтеков и инков; и, наконец, старателей Северной Америки толкала на лишения не жажда приключений (хотя и не без этого), а желание намыть золотого песка, и поболее, из россыпей Сакраменто и Клондайка.

И всегда при этом на одного обогатившегося или прославившегося приходились десятки кое-чего достигших, сотни сгинувших без вести и тысячи оставшихся при своих интересах. Так что и наш В. Атласов был в первую

очередь выдающимся конкистадором («камчатским Ермаком»), и лишь только затем, и заодно, выдающимся первооткрывателем («русским Колумбом») новых земель.

Кстати, весьма весомым свидетельством о приоритете экономического интереса может служить неудачная попытка освоения русскими верховьев Амура во второй половине XVII в. Дело в том, что запасы пушного зверя в землях, расположенных в Даурии и восточнее, были не столь велики, как в более северных регионах Сибири или Якутии. Причем ценность самих шкурок также оставляла желать много лучшего. Но самое главное заключается в том, что подлинное освоение амурского бассейна было возможно только путем появления и закрепления там землепашцев, а не охотников. Вспомним по этому поводу, что так называемый «дикий запад» нынешних США окончательно был покорен и освоен не романтическими трапперами типа знаменитого «Соколиного глаза», а донельзя скучными фермерами. Как и наше «Дикое поле» было окончательно освоено лишь после того, как казаки от набегов и военных походов перешли к землепашеству и животноводству.

Другое дело, что на то время у России, только-только оправившейся после «смутного времени и столкнувшейся на Амуре с сильнейшим сопротивлением китайской империи Цин, не нашлось ни военных, ни финансовых возможностей для того, чтобы целеустремленно, путем вложения больших ресурсов в развитие землепашества, осваивать бассейн Амура. Ладно, хоть за Даурию зацепились, благодаря тому, что здесь успели и сумели основать сельскохозяйственное производство» [9].

Что же касается охочих до «мягкой рухляди» служилых и промышленных людей, то они, при всех их завидных достоинствах, в силу присущей им психологии авантюристов (или пан, или пропал), были неспособны на рутинный труд хлебопашца. Вот отчего еще на долгие полтора с лишком века приостановилось движение русских к Тихому океану по наиболее прямому и выгодному пути по Амуре. А жаль, ибо карта мира в таком случае выглядела бы совершенно иначе.

Впрочем, это уже совершенно иная тема. И потому перейдем к реконструкции маршрута отряда В. Атласова. Причем сразу же подчеркну, что, памятуя об ошибках моих предшественников при описании событий, связанных с открытием и освоением Камчатки, я всего лишь попробую обозначить этот самый маршрут. Да, да, я не оговорился — именно обозначить, а не определить. И уж тем более не определить однозначно. Ибо охарактеризовать в рамках одной статьи все возможные нюансы движения отряда казаков просто невозможно. Еще менее возможно скрупулезно проанализировать все суждения других исследователей по этому поводу. И уж совсем нереально без подлинно системного сопоставления всех мнений, суждений и представлений на эту тему воссоздать более или менее достоверную (опять

же достоверную, а не однозначную) кальку событий трехсотлетней давности. Так что данную статью следует рассматривать всего лишь как зачин, как подступ к переосмыслению некоторых аспектов истории открытия и освоения Камчатки — и не более того.

Но предварительно замечу, что походу В. Атласова предшествовал поход Луки Морозко и Ивана Голыгина. И что по поводу этого предварительного похода также существуют разногласия, вызванные либо невнимательным прочтением первоисточников, либо недоучетом того обстоятельства, что до 1700 г. в России новый год начинался с сентября, либо тем и другим вместе.

Действительно, А. С. Сгибнев считал, что «по приказу Анадырского приказчика Атласова, прибывшего туда в августе 1965 г., казак Морозко, посланный с 16 казаками для сбора ясака с коряков на р. Апуку, впадающую в Восточный океан, проник далеко на юг...» [25, с. 10]. Этот же год, хотя и другого приказчика, называют и авторы монографии «История Чукотки с древнейших времен до наших дней», вышедшей под руководством и общей научной редакцией Н. Н. Дикова: «В 1695 г. анадырский приказчик Михаил Многогрешный направил в очередной поход на «коряцкую землю» отряд во главе с казаками Лукой Морозко и Иваном Голыгиным. Отряд проник на Камчатскую землю, где на р. Апуке им было построено первое ясачное зимовье» [10, с. 79]. Этим же (1695—1696 гг.) временем датируют поход Л. Морозко Б. П. Полевой [23] и М. И. Белов [2]. Кстати, сразу же обращаю внимание, что в данном случае «коряцкая» и «камчатская» земли выступают как синонимы. А обращаю потому, что с таковым отождествлением мы будем сталкиваться еще не раз.

Однако есть и иная точка зрения на это событие. Известнейший исследователь народов Северо-Востока и Камчатки В. И. Иохельсон по этому же поводу высказывается так: «В 1696 г. Атласов, приказчик Анадырского острога, отправил отряд из шестнадцати человек под командой казака Луки Морозко на Камчатский полуостров, чтобы проверить слухи о пушных богатствах. В следующем году Атласов предпринял поход сам. Он послал Морозко с отрядом к Беринговому морю, а сам двигался вдоль берега Пенжинской губы, собирая ясак у окланских, каменных, таловских коряков и захватил еще селение Палану и несколько других» [8, с. 212].

Этой же даты придерживается и Л. С. Берг: «В 1696 г. из Анадырска был послан к корякам на р. Опуку (Опука впадает в Берингово море приблизительно под 62° с. ш.) якутский казак Лука Морозко» [4, с. 90]. По существу вторят ему и составители «Летописи Сибири»: «В 1696 г. казак Лука Морозко с отрядом, состоявшим из 16 казаков, нескольких промышленных людей и 40 юкагиров, из Анадырского острога был послан на р. Опуку (Апуку), чтобы принять в русское подданство местное население, жившее по ее берегам. Однако он не ограничился указанным районом, а пошел дальше.

Следуя по западному побережью Камчатки, Морозко со своим отрядом дошел до р. Тигиль. По возвращении в Анадырский острог он доложил обо всем, что видел на Камчатке и что «до Камчатки реки не доходил один день для того за малолюдством служилых людей» [Летопись Сибири. М.: 1957. С. 101. Цит. по: 1, с. 55].

То есть, как можно видеть, налицо явный разнбой во мнениях относительно начала похода Луки Морозко. И в немалой степени он был вызван тем, что С. П. Крашенинников по этому поводу высказывается так: «В 7204 году (в 1696 г. — В. Б.) послан от него (от В. Атласова. — В. Б.) был к Апуцким корякам Лука Морозко в 16 человеках за ясашным збором...» [18, с. 192]. Но, как выяснилось в наше время в связи находками в архивах новых материалов, С. П. Крашенинников в этом вопросе ошибался. То есть, поход Л. Морозко все-таки начался в 1695 г.

Имеется разброс мнений и насчет того, кто же все-таки отсылал Луку Морозко на Камчатку: Михаил Многогрешный или Владимир Атласов. Хотя если Морозко вышел из Анадыря в 1695 г., то послать его мог только Многогрешный. Имеется несовпадение взглядов и на то, вместе ли с Атласовым в поход на Камчатку пошел Лука Морозко, или он догнал отряд Атласова несколько позднее. Ну и, повторюсь, по-прежнему остается непонятным куда — в «корякскую землю» или все же на Камчатку — посылался Л. Морозко?

Из всего сказанного бесспорным можно считать два основных момента. Что Л. Морозко не мог быть послан В. Атласовым, прибывшим в Анадырь в апреле 1696 г. И что возвращение Л. Морозко в Анадырь (в апреле же, кстати, 1696 г.) окончательно укрепило В. Атласова в его решении двинуться на Камчатку. Настолько укрепило, что на деньги, взятые в долг под огромные проценты, он организует собственную экспедицию на полуостров. Впрочем, опустим пока все подробности появления его замысла и подготовки к походу (тем более, что все это достаточно полно и достоверно осуществлено другими исследователями) и сразу перейдем к делу.

Итак, как считает М. И. Белов [2, с. 101], В. Атласов, собрав 60 служивых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров, 16 декабря 1696 г. (то есть все же в 7205, а не в 7206 г.) вышел из Анадырского острога. «И шли де они из Анадырского чрез великие горы на оленях в полтретьи недели (две с половиной недели. — В. Б.) и наезжали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменском и в Усть-Пенжинском острожках на сидячих пеших коряков ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и с приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служилыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи» [27, с. 20].

Я намеренно привожу столь длинную выдержку из подлинного документа, ибо она помогает прояснить некоторые существенные моменты, связан-

ные с походом В. Атласова на Камчатку. К числу которых, например, относится тот факт, что после Каменского в отряде В. Атласова число служилых людей сократилось на три человека, с которыми, возможно, ушло еще и два-три юкагира с оленями. Почему это важно, скажу потом. А пока попробую прояснить, по какой причине казаки с самого начала своего маршрута пошли «через великие горы», так как от реки Анадырь и до реки Пенжины вполне можно было пройти по долинам их притоков (реки Майн и Черная, соответственно), минуя наиболее высокие горы этой части маршрута, хотя казаки, как известно, не любили ходить через горы.

Причин тут несколько. Во-первых, на оленях предпочтительнее передвигаться именно по возвышенным местам, нежели по долинам рек. Так как, с одной стороны, сильные ветры сбивают здесь снег в наст, по которому оленям бежать гораздо легче, а, значит, и передвигаться можно многим быстрее, чем по более рыхлому и глубокому снежному покрову речных долин. И так как, с другой стороны, на выдуваемых поверхностях горных склонов, к тому же гораздо более богатых ягелем, чем речные долины, оленям не надо было сильно и долго копытить снег, чтобы добраться до корма, и, следовательно, они меньше уставали, быстрее насыщались, больше отдыхали и поэтому могли бежать с большей скоростью. А, как известно, В. Атласов торопился. И торопился не только потому, что его мог остановить новый анадырский приказной Григорий Постников (таковая попытка и была, кстати, предпринята), но и потому, что ему необходимо было как можно быстрее, по снегу, добраться до реки Камчатки.

Во-вторых, избранный казаками вариант маршрута пролегал по кратчайшему пути из бассейна реки Анадырь в бассейн реки Пенжины, проложенному оленными коряками. Не случайно же в наши дни именно к этой части маршрута отряда В. Атласова оказался приуроченным зимник, связывающий современный поселок Марково, недалеко отстоящий от бывшего Анадырского острога, с нынешними Окланом и Каменским.

Но каким образом пролегал в этом случае маршрут отряда В. Атласова, и что это за «великие горы»? Горы эти — Русские. Правда, абсолютные их высоты невелики: от 500—600, в среднем, до 1 109 м. А перевал (Модинский) через эти горы, и перевал Налгимский, через который проходит путь из бассейна реки Анадырь в бассейн реки Пенжины, и того ниже. Однако в условиях крайне суровой зимы и практически полной полярной ночи казакам, которые, повторюсь, очень не любили ходить по горам, они показались далеко не малыми.

Свалившись в долину реки Пенжины, отряд достиг вначале Аклана, а затем и Каменского. При этом весь путь от Анадырска до Каменского занял, повторюсь, у отряда две с половиной недели. Данный факт не вызывает ни малейших сомнений, поскольку этот срок указан самим В. Атласовым

(см. выше). Казалось бы, не должен вызывать сомнения и названный маршрут отряда, ибо он также указан самим В. Атласовым.

Однако многие исследователи, кроме, пожалуй, Л. С. Берга (рис. 1), приписывают эту часть маршрута атласовцев к долинам рек Майн (правый приток реки Анадырь) и Черная (левый приток реки Пенжины). А некоторые из них (Д. М. Лебедев, например, рис. 2) и вовсе прорисовывают путь отряда минуя реку Пенжину, проводя его от устья реки Майн, расположенного ниже Анадырска, к долине реки Ваеги (приток Майна), и затем к долине и к устью реки Пахачи [19, с. 76]. Примерно так же, но еще более схематично (рис. 3), очерчивает эту часть маршрута казаков и В. И. Воскобойников.

Так что, несколько отвлекусь от темы, я ничуть не преувеличивал, когда говорил, что многие исследователи излишне вольно трактуют реальные исторические документы и факты. Хотя и согласен с мнением Г. Миллера о том, что по реке Майн пролегла еще одна дорога на реку Олюторку [12, с. 137].

Но вернемся к нашим казакам. И зададимся вопросом: каким путем отряд В. Атласова пошел от устья Пенжины к реке Алюторе? Вариантов тут несколько. Согласно первому из них, предложенному еще С. П. Крашенинниковым, от устья реки Таловки отряд самого В. Атласова последовал вдоль побережья до самой Паланы и далее. Впрочем, вот как об этом пишет сам С. П. Крашенинников: «После того (после достижения Усть-Таловского острожка. — В. Б.), как сказывают, разделил он (В. Атласов. — В. Б.) партию свою на двое, половину послал на Восточное море под командою Луки Морозки, а с другою сам по Пенжинскому морю следовал. На Паллане изменили ему союзники его юкагири, 3 человека служивых убили, да 15 человек и его Атласова ранили» [18. С. 193].

Однако, увы, и в данном случае С. П. Крашенинников ошибается. Вернее, не будучи в силу ряда причин знаком со «Скасками» В. Атласова (о чем можно судить по его же собственным словам — «как сказывают»), он при оценке похода В. Атласова исходил из слухов, так как подлинных свидетелей, а тем более участников, к тому времени уже не было. Ошибается он, кстати, и в том, что возле Паланы было убито три казака — на самом деле было убито шесть человек.

О том, что он действительно ошибается, свидетельствует показание самого В. Атласова: «И от того острожка (Олюторского. — В. Б.) отпустил он, Володимер, 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторского моря, для проведывания той земли и островов и для призыву под царскую великодержавную руку вновь неясчных людей с ясачным платежем» [27, с. 21]. То есть, все-таки на реке Олюторе разделился отряд, а не на реке Пенжине.

Но продолжим о маршруте от реки Пенжины. В наше время названного выше варианта движения отряда от реки Пенжины на юг, к полуострову, частично придерживался академик Л. С. Берг [5, с. 53]. С учетом данных

В. Атласова он предполагал, что отряд, в едином составе двигаясь от устья реки Таловки вдоль побережья Пенжинской губы (вдоль западных предгорий и склонов Пенжинского хребта по долинам реки Таловки и ее левого притока Айпына, точнее), вышел к южной оконечности этого хребта в районе Маметчинского залива. Там отряд повернул на восток, пересек Парапольский дол и вышел к «Люторскому морю».

В пользу этого варианта говорит то, что если бы атласовцы действительно вышли на оконечность Пенжинского хребта, то они увидели бы прямо перед собой ровное, уходящее далеко на юг пустынное пространство Парапольского дола. Пересекать его в южном направлении, при постоянно дующем в этой местности очень сильном ветре и при этом без всякой надежды найти приют в стойбище аборигенов нужды не было. Тем более не было, что, повторюсь лишний раз, подлинной целью отряда было объяснение местным жителям. А к таковым и скорее, и легче можно было попасть, следуя по тропе, проложенной коряками от Мамета к долине реки Куйвиваям, затем к долине реки Ветроваям (правый приток реки Вывенки) и, наконец, к устью реки Вывенки.

Интересно, кстати, что по этой тропе ездил спустя два века о. Нестор, когда, следуя от Гижиги, он через Тайгоносский полуостров и Пенжинскую губу вначале попадал в корякский острожек Мамет, а затем выходил к Тиличикам [21]. Тем не менее, даже эти обстоятельства не доказывают подлинности такого варианта движения отряда. Особенно учитывая то, что, по мнению Л. С. Берга, обратно на восточное побережье Пенжинской губы отряд вернулся той же дорогой, и в полном составе (рис. 1).

В силу этих и, возможно, некоторых других причин, составителями историко-географического атласа Камчатки [11, с. 19] была предложена несколько иная модификация продвижения отряда на участке от устья реки Пенжины до устья реки Алюторы (Олюторы). Согласно их точке зрения, от Устья Таловки отряд, следуя по долине реки Таловки, вышел на Парапольский дол, где резко повернул к югу и пошел по долу вдоль реки Куюл вплоть до западного побережья полуострова. Здесь, примерно в 60 км к югу от устья реки Пустой, он повернул к реке Анапке и, выйдя в ее устье на восточное побережье, двинулся по нему к реке Алюторе (рис. 1).

Вообще-то таковой вариант движения атласовцев не исключается. Однако есть, как минимум два соображения, которые вызывают серьезные сомнения в том, что В. Атласов избрал именно этот путь. Во-первых, в те времена на всем Парапольском долу не было постоянных поселений. «Дальше на пустынном Рекинниковском (Парапольском) доле встречаются только редкие кочевья коряков-чавчуменов. По Парапольскому долу можно ехать два — три дня подряд, не встретив ни единого стойбища, ни единого ездока. О поселках и говорить не приходится», — пишет известный знаток жизни и быта коряков этнограф С. Н. Стебницкий [29, с. 26].

А ведь надо постоянно помнить, повторюсь вновь и вновь, что главной, если не единственной, задачей В. Атласова, как высшего представителя великодержавной власти на Северо-Востоке России (да и как частного заинтересованного лица), было приведение «под высокую государеву руку» и объясачивание коренного населения, а не просто открытие «новых землищ». К тому же казаки и юкагиры постоянно нуждались в пище, которую они могли достать только и только в поселках аборигенов, обменяв ее на ножи и бусы, а то и попросту отняв, что частенько и происходило: «А идучи в Камчадалскую землю и из Камчадалской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцев, и рыбою, которою они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетями, которые взяты были с ними из Анадырского зимовья» [28, с. 26].

Не стоит забывать и того, что ко времени похода В. Атласова эта часть территории уже более или менее была известна, и потому атласовцы об отсутствии на Парапольском долу постоянных поселений знали. И уж, безусловно, знали об этом как «вожи», нанятые В. Атласовым либо в Каменном, либо в Усть-Пенжинском острожках, так и Лука Морозко с Иваном Голыгиным, догнавшие к тому времени Атласова.

Во-вторых, следуя вдоль реки Куял, Атласов, коль скоро его вели знающие «вожи», и коль скоро целью отряда было скорейшее достижение «люторских острогов», вряд ли проскочил бы тропу, проложенную, как уже говорилось выше, от Маметчинского залива к реке Алюторе. Или еще более нахоженную тропу, которая, следуя от Рекинникской губы, пересекала Парапольский дол севернее перешейка, обходила с севера же горы Камлилькынтыну (самую южную, выходящую к перешейку, часть Ветвейского хребта) и через Малетой-ваямский перевал Ветвейского хребта выходила к устью реки Алюторы.

То есть, хочу сказать со всей определенностью, вряд ли Атласов, зная об отсутствии на Парапольском долу и на самом перешейке постоянных поселений, испытывая дефицит времени и, главное, стремясь в первую очередь попасть именно к «люторским острогам» для сбора ясака, предпочел прямой путь к реке Алюторе изрядному крюку через Камчатский перешеек.

Впрочем, чтобы было понятнее, в чем тут дело, рассмотрим район Камчатского перешейка более пристально. При этом сразу же отметим, что хотя наиболее узкое, низкое и ровное место между Охотским и Беринговым морем действительно приурочено к перешейку, соединяющему полуостров Камчатка с материком, версии о пересечении отрядом самого перешейка в направлении с запада на восток (и обратно) никто из известных мне исследователей, в том числе и составители упомянутого «Атласа Камчатки», не выдвигал. И это далеко не случайно, так как в силу природных особенностей данной части Парапольского дола таковое мероприятие в зимних условиях относится к разряду экстремальных.

Вот что пишет по этому поводу С. Н. Стебницкий: «На суровость климата сильное влияние оказывает северный ветер, который дует в течение почти всей зимы. Благодаря этому очень суров климат не только Парапольского дола в южной части Пенжинского района, но и в местах расположения таких поселков, как Кичига, Тымлат, лежащих поблизости от Анапского дола, находящегося в самом узком месте Камчатского перешейка. Он представляет собою нечто вроде трубы, через которую постоянно прорывается поток северного ветра. Даже тогда, когда на окрестных тундрах стоит тихая погода, в долине рек Анапки (восточное побережье) и Рекинниковской (западное побережье) дует ветер.

А если на окрестных тундрах ветрено и «идет поземка», то есть ветром несет снег, то через Анапку уже не едут. Подъедут к Анапкинскому долу, влезут на холм и смотрят, не слишком ли рискованно ехать. На Анапке постоянно пурга. Она не так страшна, если метет только снег, лежащий на земле. Но если к тому же прибавляется снег, падающий с облаков, то ехать через Анапку безусловно рискованно. Ветер бывает очень сильный.

Был случай, когда целое стадо оленей снесло в море. Пастухи пасли оленей, дул сильный северный ветер со снегом, была пурга. Олени и пастухи невольно уклонялись в сторону от ветра и попали на морской лед. Лед был скользкий, оленей понесло по льду, и все стадо вскоре оказалось у края льда. Олени попадали в воду и утонули» [29, с. 22].

Надо думать, что составители историко-географического атласа «Камчатка», привязывая начало поперечной части маршрута В. Атласова не к самому перешейку, а южнее, к месту, расположенному на западном побережье полуострова, в шестидесяти, примерно, километрах к югу от устья реки Пустой, также учитывали эти природные обстоятельства. Однако, прочерчивая путь отряда через северные отроги Срединного хребта к устью реки Апуки, они в большей степени отталкивались от следующих слов В. Атласова: «И от того *Камчатского носа*, по скаскам иноземцов вожей, пошли они через *высокую гору* (курсив мой. — В. Б.) и пришел к люторским острогам» [27, с. 20]. То есть они, скорее всего, понятие «Камчатский нос» интерпретировали как синоним понятия «Камчатский полуостров». И на этом основании привязали начало непосредственного продвижения отряда к восточному побережью не к Парапольскому долу, как это сделал Л. С. Берг, и даже не к самому перешейку, а к «высоким горам» северной части полуострова.

Однако, проводя столь прямую параллель между этими двумя совершенно разными географическими объектами, они не обратили внимания на то, что в те времена, начиная от Михаила Стадухина и вплоть до С. П. Крашенинникова (да и позже), Камчатским носом именовали пространство, которое, простираясь от устья реки Пенжины к югу, располагалось напротив полуострова Тайгонос, а не Камчатский полуостров как таковой.

Не учли они и того, что казаки и вольные люди того времени знали о географии тех мест гораздо больше того, что они докладывали начальству и (или) писали в своих «скасках» и донесениях. То есть, если сказать более определенно, не учли того, что В. Атласов, многое зная от своих предшественников, имея в составе отряда «вожей» из местных жителей и побывавших в тех местах Л. Морозко и И. Голыгина, ни в коем случае не стал бы делать лишний крюк на пути к «люторам».

Именно не учли, о чем, в частности, свидетельствует предположение одного из составителей вышеназванного «Атласа Камчатки» Б. П. Полевого, согласно которому отряд В. Атласова, следуя по западному побережью полуострова, дошел до перевала с реки Лесной на реку Карагу, перевалив через который он, якобы, вышел на восточное побережье в самом узком месте полуострова [24, с. 86].

Кстати, вот это — «в самом узком месте полуострова» — высказывание, постоянно прилагаемое историком к междуречью Лесной и Караги, неверно изначально. В том смысле неверно, что в основе его лежит личное суждение Б. П. Полевого о том, что самое узкое место полуострова Камчатки приурочено к междуречью названных рек. Причем высказывалось это суждение во многих статьях и книгах этого плодovitого ученого. Вот и в последней своей монографии «Новое об открытии Камчатки», он пишет: «...северная часть Камчатского полуострова представляет из себя очень узкий перешеек, по существу «каменную переграду», с вершины которой можно одновременно видеть два моря. Действительно, на перевале реки Лесной, на вершине Караги, в ясную погоду видно вдаль одновременно Охотское море и Берингово море» [24, с. 91].

Однако в качестве доказательства этого представления Б. П. Полевой использует не современные карты, или, тем более, космические снимки, а данные вековой давности. О чем можно судить, например, по приводимой им по этому поводу ссылке: «Благодаря тому, что губа Карагинская значительно вдалась в материк Камчатского полуострова, он в этом месте имеет наименьшую ширину: именно около 90 верст, и это есть единственное место на полуострове, где с перевала на главном хребте видны в ясную погоду оба моря — Берингово и Охотское» [*Деливрон А.* Лоция северо-западной части Восточного (Тихого) океана. Т. IV. СПб., 1910. С. 136. Цит. по: 24, с. 145].

Но даже на этом фоне — то есть на фоне отсутствия данных современных карт и аэрокосмических снимков, абсолютно необъяснимой выглядит ссылка Б. П. Полевого в этом вопросе на мнение С. П. Крашенинникова. Вот как это выглядит в его интерпретации: «Здесь они (Леонтий Федотов сын и Савва Анисимов Сероглаз. — *В. Б.*) контролировали переход через самую узкую часть полуострова Камчатки. Это было то самое место, о котором С. П. Крашенинников писал: «...река Уемлян... от казаков Лесною называется. Сия

река вершиною сошлась с рекою Карагою... чего ради по ней дорога есть на Восточное море...» [24, с. 126]. И чуть далее дополняет эти слова С. П. Крашенинникова другим его высказыванием: «Для того, что в тех местах земля узка, что по достоверным известиям с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно» [24, с. 126].

А вот как пишет об этом же сам С. П. Крашенинников: «*Камчатскую землицю* и Камчаткою просто называется ныне оной великой мыс, который составляет последний предел Азии с восточную сторону, и от матерой земли в море около семи градусов с половиною с севера на юг простирается.

Начало сего мыса полагаю я у Пустой реки и Анапкия, текущих в ширине 59^{1/2}, из которых первая в Пенжинское, а другая в Восточное море впадает. 1. Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно, а далее к северу земля становится шире, чего ради узкое сие место, по моему мнению, можно почесть за начало перешейка, соединяющего Камчатку с матерею землей, 2. что присуд камчатских острогов токмо до объявленных мест простирается, 3. что северные места за тем пределом Камчаткой не называются, но больше принадлежат заносью (*заносьем называются места от Анадырска к Камчатке лежащие, в том числе и самой Анадырск; для того, что оные, следуя из Якуцка, по ту сторону Чукоцкого носа находятся*), под которым именем Анадырской присуд заключается. Впрочем, не совсем опровергаю и то, что подлинное начало сего великого мыса между Пенжиною рекою и Анадыром почитать должно» [12, с. 98—99].

То есть, как можно видеть, С. П. Крашенинников писал совсем не так и совсем не о том, ибо наиболее узким местом Камчатки он считал Камчатский перешеек, к которому привязывал начало полуострова. Об этом можно судить и по другому его высказыванию на этот счет: «Верстах в 65 от Коуту (реки. — В. Б.) следует Анапкой (Анапка. — В. Б.) река, которая вершинами сошлась с впадающею в Пенжинское море Икыннаком (пустою) рекою, а устьем течет в внутреннюю губу, называемую Ильинскою, которая в длину верст на 5, а в ширину версты на 3 простирается. Хребет, из которого текут упомянутые реки, в рассуждении других мест весьма низок и ровен, и от обоих морей не более 50 верст расстоянием. Коряки почитают сие место за самое узкое из всего перешейка, соединяющего Камчатку с матерею землей, которой перешеек до Тумлатты и далее простирается» [12, с. 137].

Кстати, обратите внимание на то, как точны в своих представлениях о географии региона местные жители. Это я к тому, что и В. Атласов получал от них весьма достоверные сведения о путях следования к тому или иному объекту. Настолько точны, что исходя из этих сведений С. П. Крашенинников указал подлинный: «Перешеек оного полуострова (Камчатского. — В. Б.) шириною верст на 70. С одну сторону его прилегло Олюторское море, а с другою

Пенжинская губа...» [14, с. 691] — поперечник перешейка. Ибо в его оценке перешеек на 20 верст уже, чем «самое узкое» место А. Делеврона и Б. П. Полевого, и довольно близок к современным — чуть более 100 км — данным.

Итак, скажу окончательно, С. П. Крашенинников самым узким местом полуострова считает его перешеек. И хотя он при этом все же допускает возможность того, что полуостров Камчатка может начинаться от рек Пенжина и Анадырь, однако делает это по двум, вполне извинительным для его времени, основаниям — по причине отсутствия точных географических данных о тех местах вообще и своих собственных, в частности. А также из-за следования мнению академика Г. Миллера, который считал возможным относить к Камчатскому полуострову пространство, которое простиралось от Пенжинской губы до Камчатского перешейка и Берингова моря и от перешейка вплоть до реки Анадырь [30, с. 18].

Впрочем, этот пиетет по отношению к своему учителю и непосредственному руководителю станет понятным, если знать, что даже спустя два с половиной века другой выдающийся историк Б. П. Полевой во многих своих работах постоянно именуем пространство, расположенное между Пенжинской губой и Беринговым морем, Камчаткой; морское побережье от устья реки Пенжины и до Камчатского перешейка включительно — северо-западной оконечностью полуострова Камчатки; а самым узким местом Камчатского полуострова считает ту его часть, которая располагается напротив острова Карагинского.

К сказанному остается добавить, что относительно самого междуречья Лесной и Караги автор «Описания земли Камчатки» пишет: «...а от Кинкиля в 20 верстах река Уемлян, которая от казаков Лесною называется. Сия река вершиною сошлась с рекою Карагою, как уже выше объявлено, чего ради по ней дорога есть на Восточное море...» [2, с. 150]. И ни слова ни до, ни после, о том, что это самое узкое место на полуострове и что только здесь можно видеть оба моря одновременно. Вот и получается, что Б. П. Полевой неверно проинтерпретировал С. П. Крашенинникова как в части определения самого узкого места полуострова, так и в части наименования материковой территории, расположенной севернее перешейка между Пенжинской губой и Беринговым морем, Камчаткой.

Но вернемся к его описанию маршрута В. Атласова. Удивительно, но, говоря о проходе атласовцев через долины рек Лесной и Караги, Б. П. Полевой не замечает, что в этом случае отряд вышел бы не к «кюторским острогам», как утверждают и В. Атласов, и он сам, а к карагинским. Как не замечает он и того, что, следуя по восточному побережью полуострова от реки Караги к корякам-олюторцам, обитающим на реке Олюторе, отряд вторично бы пересек Камчатский перешеек. Ну и, наконец, не замечает он и того, что при таковом раскладе отряд самого В. Атласова после разделения должен

был вновь выйти от реки Олюторы на восточное побережье Пенжинской губы и тем самым описать огромный круг. Или, по крайней мере, произвести зигзаг от реки Лесной до реки Олюторы и обратно, если бы он от реки Олюторы выходил на западное побережье по своему же следу — то есть сперва к реке Караге, а затем к реке Лесной. Но ни о том, ни о другом у В. Атласова, как и у самого Б. П. Полевого, нет ни слова.

Так что остается только выразить сожаление по поводу того, что Б. П. Полевой, идя на поводу своего ложного суждения о географии региона, что называется, в упор не видел подлинного абриса Камчатки. Именно сожаление, ибо эта необъяснимая ошибка, как, пожалуй, никакая другая, демонстрирует то самое незнание историками-профессионалами географии региона, о котором говорилось выше.

Правда, поспешу заметить, не исключается, что именно профессионализм и послужил причиной столь нелепой ошибки маститого ученого. То есть, говоря иначе, постоянно работая с первичными архивными материалами и, прежде всего, с самыми первыми картами Северо-Востока и Камчатки (рис. 2), Б. П. Полевой настолько вжился в ту эпоху, что стал смотреть на вещи и ситуацию тех лет глазами человека того времени. И хотя это не извиняет Б. П. Полевого как историка, как человека его понять можно. Тем более, что он был далеко не единственным, кто так необъяснимо заблуждался в географии полуострова.

К примеру, полувеком ранее Е. П. Орлова [22, с. 14], говоря об этой же части маршрута отряда В. Атласова: «Оттуда (от Усть-Таловки. — *В. Б.*) ехали они две недели подле моря и где-то возле Паланы перевалили через «высокую гору» и попали в район Олюторки», — настолько исказила географию Камчатки, что впору только разводиться руками. Потому что мало того, что она в этом своем мнении некритично отнеслась к данным С. П. Крашениникова (см. выше), но еще и не увидела, что река Олюторка располагается далеко за пределами полуострова.

Впрочем, кто не ошибается! Мне же остается только выразить недоумение по поводу того, что среди множества критиков Б. П. Полевого и, главное, среди еще большего числа его горячих камчатских почитателей и поклонников не нашлось никого, кто бы сумел убедить маститого ученого в названных и некоторых других (постоянное, например, именование им Бобрового моря — то есть акватории Тихого океана, лежащей между Кроноцким и Шипунским полуостровами, частью Берингова моря) географических ошибках. И понадеяться на то, что в свете столь поразительных заблуждений этого крупного ученого мои собственные огрехи на историческом поприще будут восприняты достаточно снисходительно. А таковая снисходительность, вернее — вдумчивое восприятие иного мнения, была бы очень даже к месту при рассмотрении предлагаемого мною варианта движения отряда В. Атласова к полуострову.

Но почему предлагается еще один, и совершенно новый, вариант движения отряда В. Атласова от реки Пенжины к реке Алюторе? Да прежде всего потому, что всех вышеперечисленных нестыковок и заблуждений в той или иной степени можно избежать, если предположить, что от реки Пенжины В. Атласов решил направиться не к самому полуострову, а сразу же к реке Алюторе (рис. 3). Уместно ли такое предположение и насколько? На мой взгляд, вполне. Особенно, если принять во внимание некоторые приводящие обстоятельства.

Напомню, во-первых, что в поход В. Атласов отправился без разрешения якутского воеводы — а за это можно было очень серьезно поплатиться. Во-вторых, достигнув Аклана и Каменского, В. Атласов, вопреки правилам того времени, предписывающим брать ясак с одних и тех же острогов раз в два года, вновь обложил ясаком пенжинских коряков, годом ранее объясаченных Михаилом Многогрешным [10, с. 79; 20, с. 68]. За что также пришлось бы отвечать — во всяком случае, новый анадырский приказной Григорий Постников, узнав об этом из жалобы коряков, во второй раз попытался вернуть В. Атласова, дабы тот не натворил новых бед. Так что только достаточное количество привезенной пушнины — победителей не судят — могло загладить вину В. Атласова, и он, человек недюжинного ума, прекрасно это понимал. В-третьих, дойдя до Усть-Таловского острога — то есть, действительно пройдя немного «подле моря», В. Атласов убедился (как раньше в этом же убедились и казаки, посещавшие северные и западные берега Пенжинской губы), что на ее безлесном побережье пушного зверя и, прежде всего, соболя, ожидать не приходится. В-четвертых, хотя он и знал из донесений Луки Морозко о наличии пушных зверей на самой Камчатке, абсолютно быть уверенным в успехе своего предприятия на полуострове он не мог.

А потому он решил подстраховаться. Тем более, что повторный сбор ясака с пенжинских коряков потребовал у не готовых к такому повороту событий жителей долины реки Пенжины времени для отыскания нужного количества пушнины. То есть и время работало против В. Атласова. Вот отчего, когда его догнали Лука Морозко и Иван Голыгин, которые 23 февраля 1697 г. «сдали» Анадырский острог Григорию Постникову и с небольшим отрядом бросились в догон за В. Атласовым [20, с. 68], пятидесятник, убедившись на деле, что на избранном им пути ни людей, ни пушных зверей нет, дабы не рисковать головой, повернул к объясаченным в 1695 г. Лукой Морозко (и по его, надо полагать, подсказке) «люторским корякам», чтобы хоть с них, и на законных при этом основаниях, собрать ясак.

Кстати, то, что Л. Морозко и И. Голыгин, вышедшие из Анадырска через два с лишним месяца после В. Атласова, догнали его в устье реки Пенжины, лучше любых других доводов доказывает мое предположение о существенной — двухмесячной — задержке отряда атласовцев в районе Каменского.

Но, продолжу развитие темы, самой главной причиной резкого поворота атласовцев к «Люторскому морю» вновь оказался обычный («шкурный», как было сказано выше) личный интерес казаков. Ибо всем им, включая и шедших вместе с ними ясачных юкагиров, в первую и главную очередь нужна была пушнина. А на пути вдоль (подле) моря, или по Парапольскому долу добыть ее было невозможно. Хотя, конечно же, сыграли свою роль и погодные условия прибрежной территории (постоянные и очень жестокие пурги), и достоверное знание названного пути в Олюторскому морю.

Казалось бы, что этому предположению противостоит свидетельство самого В. Атласова: «И от тех де острогов (Каменного и Усть-Пенжинского. — В. Б.) поехал он, Володимер с служилыми людьми в Камчатский нос и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатского носа, по скаскам иноземных вожей, пошли они через гору и пришел к люторским острогам, к иноземцом к люторам...» [27, с. 20].

Но это только казалось бы. Ибо «поехал... в Камчатский нос», вовсе не означает, что он действительно вначале «приехал» в этот самый «нос», а уж только потом повернул к «люторским острогам». Более того, хотя движение к Камчатскому носу и было генеральным направлением движения отряда В. Атласова (а точнее — его конечной целью), это отнюдь не означает, как считают те же, например, составители атласа «Камчатка», что атласовцы сначала достигли полуострова, и только затем повернули на восток.

Что же касается высказывания В. Атласова о движении «подле моря», то оно, скорее всего, говорит о том, что он (и с полным на то основанием) был убежден в том, что к Алюторке можно было попасть, обойдя Камчатский нос вдоль берега. И это предположение тем более вероятно, что он не знал подлинных размеров этого самого носа. А тем самым, следуя к реке Алюторе, он вполне закономерно считал, что, в конечном счете, следует «подле моря». К тому же, стоит добавить, что выражение подле моря вовсе не означает — вдоль самого берега моря.

Ну а чтобы окончательно убедить моих возможных оппонентов в том, что атласовцы действительно пошли прямо к «люторским острогам», обращаю их внимание на буквально аналогичную ситуацию, сложившуюся при движении отряда В. Атласова от реки Кыгыл (Тигиль) к реке Камчатке. Ситуацию, подчеркну, изложенную самим В. Атласовым и, еще раз подчеркну, практически теми же самыми словами, которые говорились им по поводу движения отряда от реки Пенжины: «...взяв вожев дву человек, пошел с служилыми людьми и остальными ясачными юкагирами, которые не в измене, подле моря на оленях и дошел на Камчатку реку» [27, с. 22]. То есть совсем в другую сторону, оказывается, попал отряд, следуя «подле моря» от Тигиля. Но чем, позволено спросить в таком случае, движение отряда от реки Пенжины до реки Алюторы отличается от его же движения от реки Тигиль к реке Камчатке?

Впрочем, о том, как, каким то есть путем, попал В. Атласов на реку Камчатку, следуя от Тигиля, речь пойдет в другой раз. А пока добавлю, что, по мнению Б. П. Полевого, на «Чертежу вновь Камчадальской земли и моря», созданном картографом С. У. Ремезовым при содействии В. Атласова в 1700 г., маршрут отряда казаков, нанесенный пунктиром, от реки Пенжины резко поворачивает к «губе Люторской» [24, с. 97—98]. И очень жаль, что явная предубежденность («самое узкое место полуострова расположено напротив острова Карагинского») не позволила столь высокопрофессиональному историку увидеть, что к «люторским острогам» отряд В. Атласова двигался не по восточному побережью Пенжинской губы, а по тропе, наезженной местными жителями через северную часть Паропольского дола.

Что же касается выражения «подле моря», то стоит еще раз заметить, что далеко не всегда следует слова очевидцев, в данном случае слова самого В. Атласова, воспринимать буквально. Особенно учитывая давность лет, разность менталитетов и, отсюда, совершенно различные способы выражения и восприятия мыслей. К тому же, добавлю, ни в коем случае, говоря о походе Атласова, нельзя забывать того, что свои скаски пятидесятник диктовал спустя три и четыре года после начала похода. То есть постоянно следует помнить о том, что он не только подзабыл кое-какие детали, но и сознательно многое утаивал, как сознательно же многое — ту же численность местного населения полуострова, например — преувеличивал. Не говоря уже о том, что вспоминал он прошлое не в строгой хронологической последовательности и далеко не всегда привязывал свои конкретные дела и шаги к конкретным же местам и времени.

Ну а самое главное, надо всегда помнить о том, что при всех своих отрицательных качествах, человек он был ума недюжинного и прекрасно знал не только то, что надо говорить, а что нет, но и то — кому и что хочется услышать. А слышать в Тобольске и Москве, где записывались «Скаска», хотели именно о самой Камчатке, а не о тех или иных нюансах передвижения отряда на пути к ней.

Но продолжим о самом походе. Итак, предлагаемый мною вариант маршрута начинался от устья реки Таловки. А точнее — от Усть-Пенжинского (Усть-Таловского) острожка, как пишет сам В. Атласов [27, с. 20]. Куда отряд действительно попал, двигаясь «подле моря». Однако, пройдя «подле моря» (возможно и несколько далее Усть-Таловского острожка) и убедившись, что кроме голых сопок на пути ничего нет, отряд повернул к найденной тропе, выходящей по реке Харитоня к перевалу через Пенжинский хребет. То есть тот самый хребет, который В. Атласов именует «высокими горами», через которые атласовцы вышли к «люторским острогам» Не слишком ли далеко эти горы расположены от реки Алюторы? Да нет, всего лишь ненамного дальше, чем Срединный хребет, выдаваемый за таковые «высокие горы» ав-

торами уже не раз упоминаемого атласа «Камчатка», тем же Б. П. Полевым и тем более Е. П. Орловой.

Что же касается вероятности прохода через теснину долины реки Таловки, как предполагают составители атласа «Камчатка», которая прорезает этот хребет, то этому воспрепятствовал бы целый ряд причин. Во-первых, отсутствие в зажатой между гор долине богатых оленьих пастбищ. Во-вторых, наличие пойменного леса, который надо было бы постоянно пересекать, переходя с одного борта долины на другой в местах, где река подрезала крутые склоны, что с оленями делать нелегко. В-третьих, за счет стекания со склонов гор холодного воздуха и его последующего выхолаживания, морозы в этой части речной долины были на 5, а то и на все 10° ниже фоновой температуры, при том, что сама она в этих местах даже в марте может достигать минус 35 °С и ниже. И это дополнительное охлаждение могло привести (да и приводило — сужу по опыту работы на Парापольском долу, где реки перемерзают насквозь) к образованию наледей, которые, как и густые заросли ивняка, создавали дополнительное препятствие для передвижения оленьего поезда.

Так что, скорее всего, отряд В. Атласова пересек Пенжинский хребет по веками набитой тропе. Перевалив через хребет, он по этой же тропе вышел к реке Энычаваям — правому истоку реки Таловки. Затем, следуя по тропе, идущей по долине этой реки и по долине ее левого притока реки Найвал-ваям, отряд подошел к перевалу Евъин-Энельхан (при 278 м абсолютной высоты перевал, плавно возвышающийся над окружающей местностью, явно не претендует на звание «высоких гор») в северной части Ветвейского хребта. Преодолев перевал, отряд попал в долину реки Вывенки, в те времена именуемой Алутора или Олутора [18, с. 61]. А затем, двигаясь по ее долине, отряд неизбежно выходил к району нынешнего национального села Хаилино, а точнее — к тому месту, где оленные маршруты и пешеходная тропа от реки Олюторы поворачивают к реке Пылговаям, следуя по долине которой казаки вышли к реке Пахаче (Погыче) и затем к устью реки Апуки, где двумя годами ранее Л. Морозко поставил зимовье для сбора ясака [10, с. 79; 20, с. 66].

Вот так отряд В. Атласова добирался до реки Алюторы. Достоверность (точнее, правомочность) предложенной версии маршрута отряда В. Атласова, помимо приведенных ранее свидетельств, подтверждают еще два, как минимум, обстоятельства. Во-первых, то, что об этом пути казаки знали. Знали как от предшественников, к тому времени объясачивших жителей долины реки Пенжины; как от местных жителей, которых они расспрашивали буквально с пристрастием; так и от того же Луки Морозко, прошедшего этим путем (или его частью) двумя годами ранее. А, во-вторых, то, что буквально сразу же после похода В. Атласова этот маршрут стал постоянным путем

следования русских из Анадыря на полуостров и обратно. Во всяком случае, всего три года спустя после похода В. Атласова на полуостров той же дорогой проследовал первый камчатский приказчик — боярский сын Тимофей Кобелев. А еще через два года этим же путем прошла группа служивых людей во главе с Андреем Кутыным, которая поставила шесть зимовий на реке Уке. Ну а в последующие времена, особенно после того, как на реке Алюторе казаками был (дважды) построен Олюторский острог, этот маршрут и вовсе стал основным путем, связывающим Камчатку с Анадырем. Хотя иногда летом на Камчатку плавали морем до с. Лесная (а, возможно, и до Тигиля) на байдарках, построенных в устье реки Черной, а в марте-апреле, когда спадали морозы и образовывался мощный наст, казаки, дабы обойти воинственных олюторцев, на собачьих нартах передвигались и по западному побережью Пенжинской губы.

Впрочем, на этом я и завершу до времени описание похода В. Атласова. И не столько даже потому, что более чем с лишком исчерпал положенный лимит объема статьи, сколько потому, что в походе его отряда по полуострову неясных мест также более чем предостаточно. Начиная с того, каким путем проследовал отряд самого В. Атласова после раздела на западное побережье Камчатки. И продолжая тему — сразу же от реки Кыгыл (Тигиля) двинулся отряд Атласовцев к реке Большой, или все же после похода в долину реки Камчатки.

Дело в том, допоясню, что согласно С. П. Крашенинникову: «...Морозко с Атласовым сошелся на Тигиле реке, а с Тигиля пошли они вперед подле Пенжинского моря, и дошли до Гольгиной реки, где из их партии убит один служивой, Гольгин прозванием, отчего она и по сие время Гольгиною называется, а на бою ли он убит или иным каким образом про то неизвестно.

От реки Гольгиной Володимер Отласов воротился назад и шел тою же дорогой, которую и вперед и, дошед до Ичи реки, зимовал.

Той зимы Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты.

Володимер Отласов, перезимовав на Иче, перебрался на Камчатку реку, а шел он с Ичи до Хариузовой подле Пенжинского моря, а потом и вверх по Хариузовой до ее вершины...» [16, с. 749].

Согласитесь, тут есть, над чем задуматься. Ну, хотя бы над тем, в Тигиле или все же в Палане соединились отряды В. Атласова и Л. Морозко? А ведь, кроме того, вызывает интерес и такая проблема: где — на реке ли Камчатке в двух верстах выше устья реки Еловки, в специально отстроенном для этого зимовье, или в двух зимовьях, расположенных на самой реке Еловке, в пятидесяти верстах от ее устья [15, с. 740] — и когда, то есть до похода на реку Большую или после — оставался тот же Лука Морозко с товарищи, если вообще оставался? Не говоря уже о прояснении всех (где и сколько

раз?) обстоятельств с возможным выходом самого В. Атласова на побережье Восточного (Бобрового) моря?

Однако для всего этого требуется переосмыслить большой объем накопленного на настоящий момент материала по истории первоначального освоения Камчатки. На что, как показал мой опыт работы над данной статьей, потребуется не менее полугода — не так-то это просто, оказывается, отрешаться от привитых и привычных представлений. И только после всего этого можно будет приступить к написанию второй ее части.

ИСТОЧНИКИ

1. Русские землепроходцы и мореходы: из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока / В. А. Авдеев, А. А. Измаилов, М. Н. Осипова, Ю. Ф. Соколов. — М.: Воениздат, 1982. — 80 с.
2. Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. Т. 2. — М.: 1957. — 90 с.
3. Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева. — М.: Мысль, 1973. — 223 с.
4. Берг С. Л. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — 358 с.
5. Берг С. Л. Великие русские путешественники. — М.; Л.: Детская литература, 1950. — 296 с.
6. Воскобойников В. И. Слово на карте. — Петропавловск-Камчатский: Книжная редакция «Камчатской правды», 1962. — 118 с.
7. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М.: Наука, 1971. — 300 с.
8. Иохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. Пер. с англ. — СПб.: Наука, 1997. — 237 с.
9. История Сибири. Т. 2. — Л.: Наука, 1968. — 538 с.
10. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. Н. Дикова. — М.: Мысль, 1989. — 492 с.
11. Камчатка. XVII—XX вв. Историко-географический атлас. — М.: Роскартография, 1997. — 112 с.
12. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. — 842 с.
13. Там же. С. 655—666.
14. Там же. С. 691—697.
15. Там же. С. 740—748.
16. Там же. С. 749—767.
17. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — 438 с.
18. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 2. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — 319 с.
19. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 383 с.

20. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец Земли Камчатки. — М.: РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. — 192 с.
21. *Митрополит Нестор (Н. А. Анисимов).* Моя Камчатка. Записки православного миссионера. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2003. — 198 с.
22. *Орлова Е. П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. — СПб.: Наука, 1999. — 197 с.
23. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. — 159 с.
24. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. — 203 с.
25. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк важнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 5—103.
26. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. книжн. изд-во. Камчат. отд-е, 1992. — 191 с.
27. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 3 июля 1700 г. // Землепроходцы. Т. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. — С. 20—25.
28. Там же. С. 25—30.
29. *Стебницкий С. Н.* Очерки этнографии коряков. — СПб.: Наука, 2000. — 235 с.
30. *Степанов Н. Н.* Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. — С. 13—84.

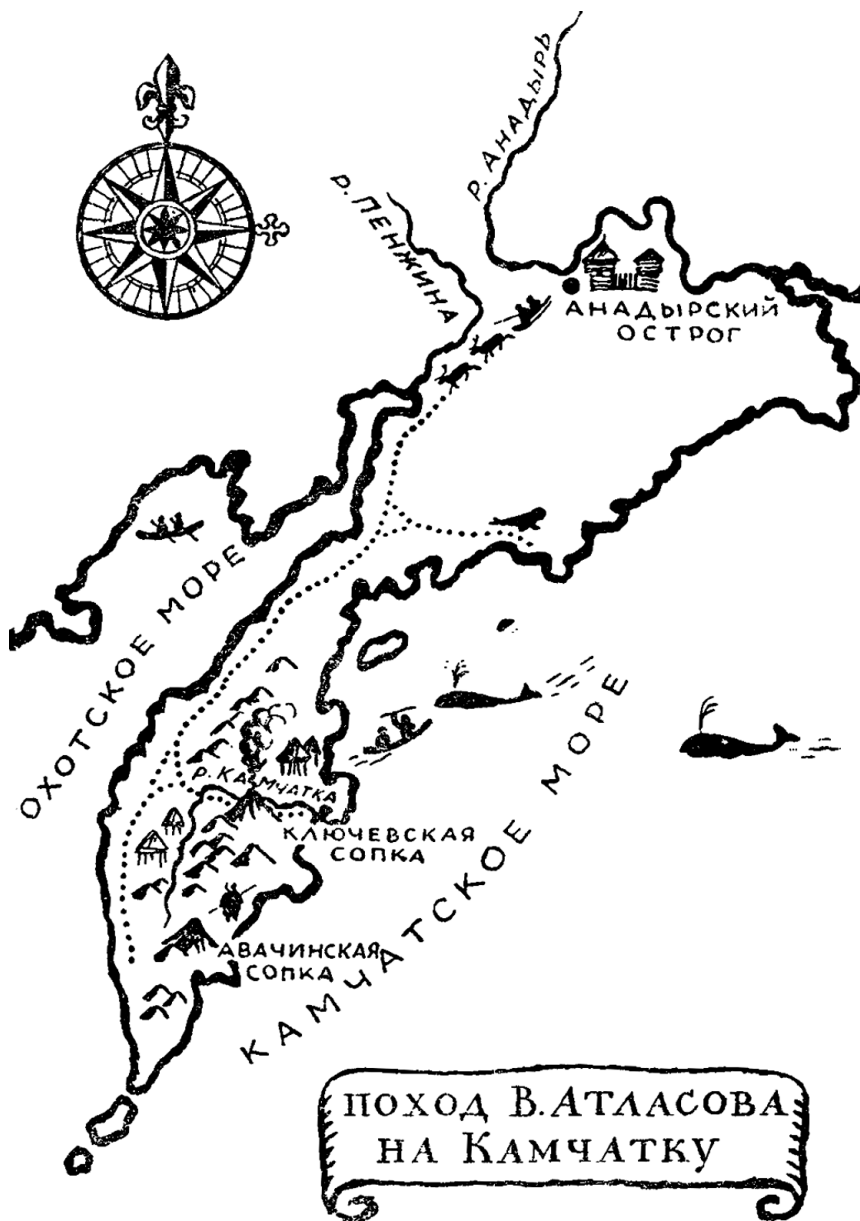

Рис. 1. Движение отряда В. Атласова к Камчатке и по Камчатке по Л. С. Бергу [5, с. 68]

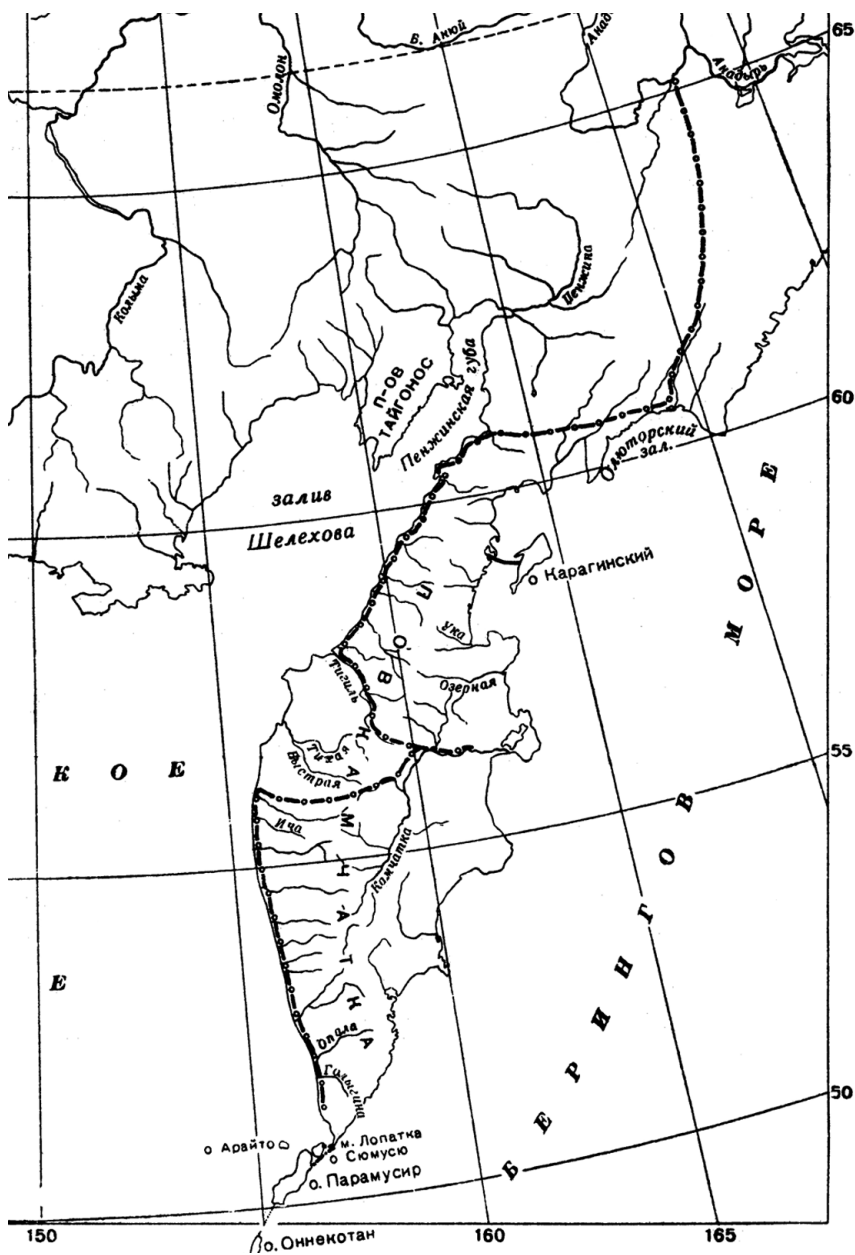

Рис. 2. Движение отряда В. Атласова к Камчатке и по Камчатке по Д. М. Лебеву [17, с. 77]

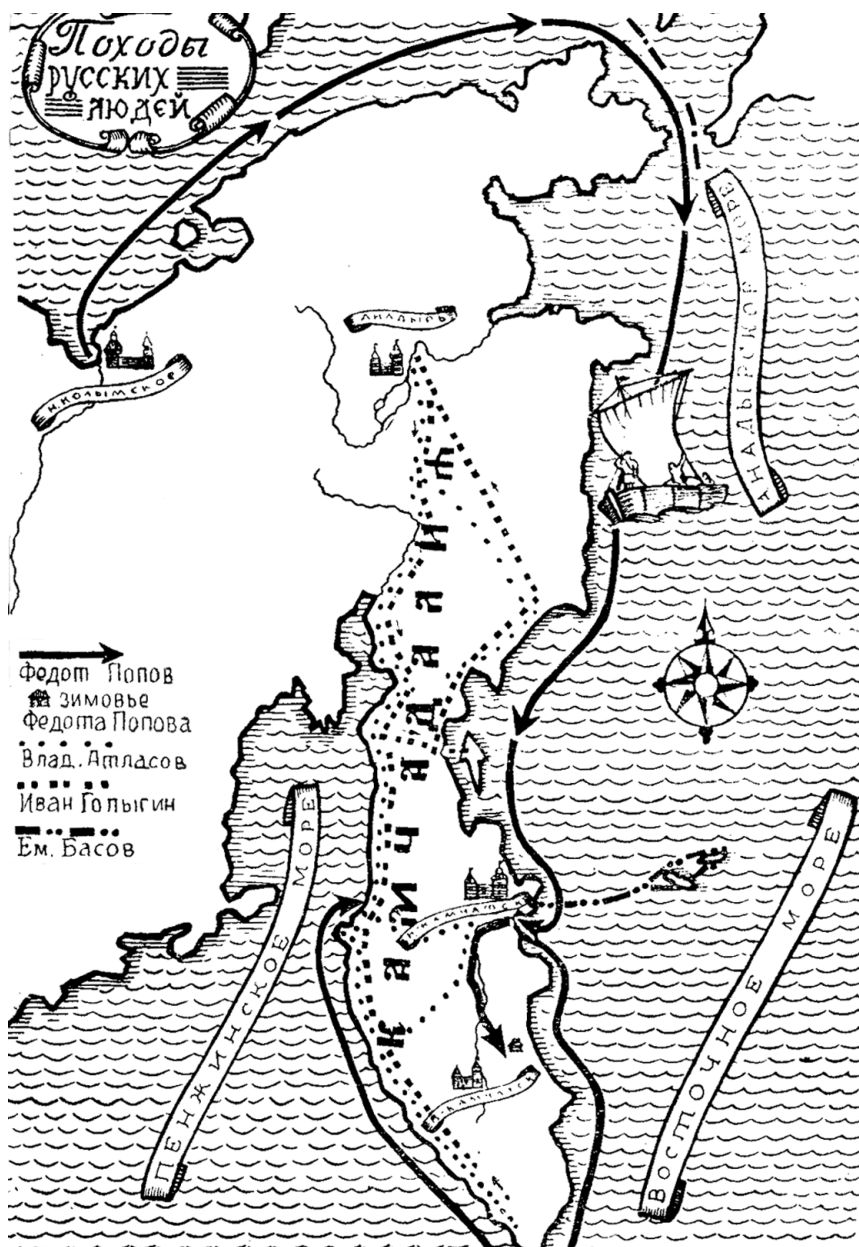

Рис. 3. Движение отряда В. Атласова к Камчатке и по Камчатке по В. И. Воскобойникову [6, с. 41]

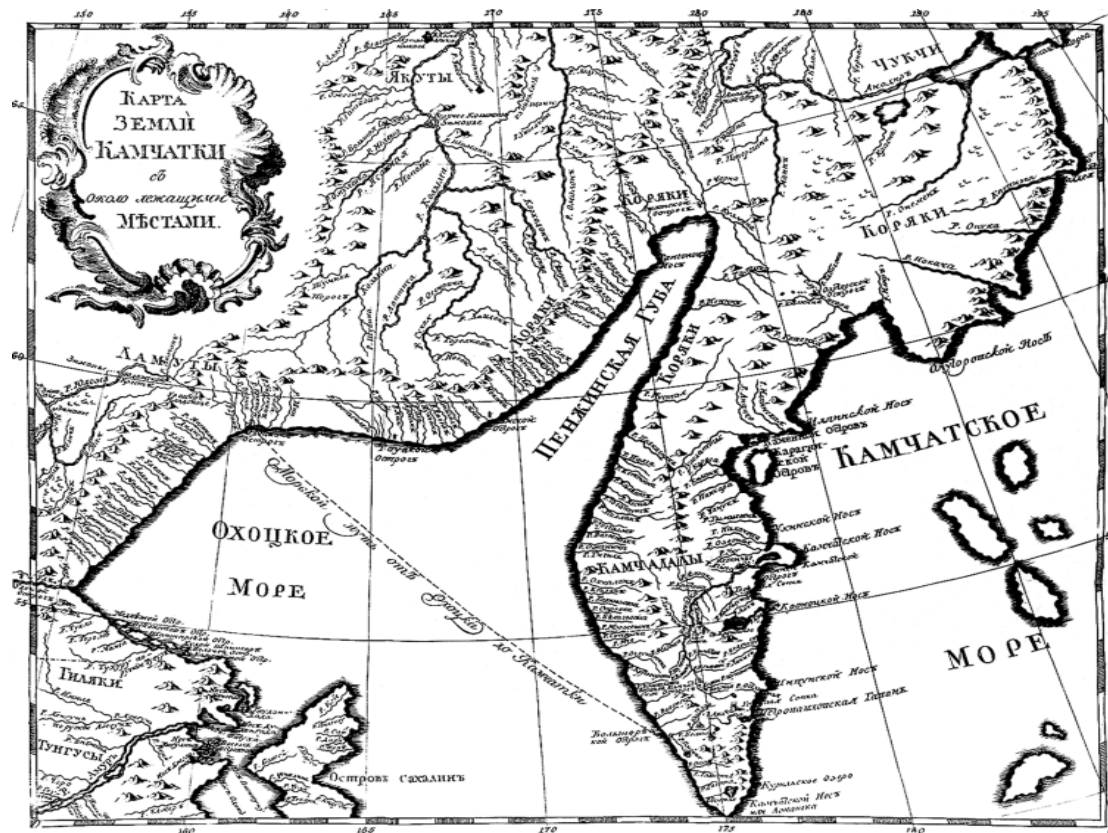

Рис. 4. «Карта Земли Камчатки съ окололежащими мѣстами» из работы С. П. Крашениникова

ПОЕЗДКИ С. П. КРАШЕНИННИКОВА ПО КАМЧАТКЕ

На основе сравнительного анализа книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и работ, комментирующих его путешествия по Камчатке, показывается, что почти на всех приводимых карт-схемах отсутствуют маршруты С. П. Крашенинникова по реке Облуковине, по которой он проезжал трижды. Вместе с тем проводятся маршруты по рекам Колпаковой и Воровской, а также по морскому побережью вокруг Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов, где он не проезжал никогда. Выявлен ряд других, несколько более мелких, но принципиальных ошибок в интерпретации путей С. П. Крашенинникова. Приводится новая, оригинальная схема его поездок по полуострову.

Знаменитый труд Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Отнеситесь к этой книге с особым почтением: именно она справедливо считается самой первой в истории России научной академической монографией. Одновременно это и самый первый русский комплексный научный труд: ведь в нем с поразительной полнотой отражены ценнейшие сведения, относящиеся к самым различным наукам — к ботанике, зоологии, ихтиологии, лингвистике и истории. По существу книга Крашенинникова также является и самой первой русской региональной энциклопедией.

Б. П. Полевой

Как и любой человек, в силу тех или иных причин обратившийся к совершенно новой для него теме, я в своем приобщении к истории открытия и освоения Камчатки прошел через три закономерных стадии. Поначалу, как дилетанту, мне казалось, что в этой самой истории уже давно все известно, и мне остается лишь добросовестно проштудировать соответствующую литературу. Что я, собственно, и сделал. Однако по мере овладения материалом ко мне все чаще и чаще приходили вопросы, на которые не находилось ответов.

Например, почему маршрут В. Атласова по полуострову на участке от устья реки Пустой и до устья реки Тигиль прорисовывают вдоль самого берега моря? Ведь здесь побережье представляет собой сплошной обрыв, прерываемый лишь в устьях наиболее крупных — Подкагерной, Шаманки,

Лесной, Паланы, Пятибратки, Кахтаны, Воямполки, Тигиля, Утхолока и Хайрюзовой — рек. Да и все транзитные тропы проходят (проходили) в этом районе в 15—20 и более километрах от морского берега, подходя к нему поближе в устьях названных рек — да и то, если там располагались поселки коренных жителей.

Впрочем, неясности маршрута В. Атласова к Камчатке и по Камчатке можно понять и принять, ибо он в своих «Скасках» [8] приводит лишь отдельные и наиболее значимые вехи своего пути, и потому возможность интерпретации не исключается и даже допускается. Но вот как понимать то, что все исследователи, говорящие о поездках С. П. Крашенинникова по Камчатке, просто-напросто искажают его реальные маршруты? Я, честно говоря, не знаю. И потому просто приведу конкретные примеры.

Итак, есть несколько карт-схем маршрутов путешествий С. П. Крашенинникова, приводимых в нескольких источниках. Как можно видеть, и на карте-схеме из предисловия к «Описанию земли Камчатки», изданному в 1949 г. [4, с. 34], и на карте-схеме Н. Г. Фрадкина от 1954 г. [9, с. 44] отсутствуют маршруты (а их было три) по реке Облуковиной. Зато имеются маршруты по рекам Колпаковой и Воровской, по которым С. П. Крашенинников никогда не проезжал. На карте-схеме того же Н. Г. Фрадкина от 1974 г. [10, с. 30] неизвестно по какой причине выпала часть маршрута от Верхнего Камчатского острога по рекам Повыче (Кавыче) и Жупановой. Что же касается карты-схемы из предисловия Б. П. Полевого к факсимильному изданию «Описание земли Камчатки» 1994 г. [5, с. 22], то она является полной копией карты-схемы Н. Г. Фрадкова от 1954 г. и потому в специальном комментарии не нуждается.

Относительно карты-схемы, составленной авторами историко-географического атласа «Камчатка» [2, с. 43] следует сказать, что его делали свои, а потому, казалось бы, наиболее заинтересованные в истине, люди. Но, как выясняется, заинтересованность — это одно, а соответствие реальности — совсем другое. С реальностью-то здесь как раз и плохо. Правда, надо отдать должное, маршрут С. П. Крашенинникова по реке Облуковиной на этой карте-схеме после долгого забвения все-таки появился. В том смысле долгого, что еще в 1939 г. А. И. Андреев в своей статье «Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова» [1] писал о том, что второй зимний маршрут С. П. Крашенинникова в Нижнекамчатск проходил по реке Облуковиной. Хотя и он не упоминает о том, что исследователь проезжал по этому пути трижды. Однако по-прежнему присутствует маршрут по реке Колпаковой.

А ведь в своем «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинников ни разу не говорит о том, что он проезжал по этой реке — или, тем более, по реке Воровской. Он всего лишь добросовестно отметил, что помимо реки Облуковиной ительмены при своих путешествиях с западного побережья в доли-

ну реки Камчатки и обратно иногда ездят и по долинам других рек. И подчеркнул: «Есть же из большерецка в Верхней острог как с Пенжинского так и с Восточного моря и другие дороги: ибо нет почти такой впадающей в оба моря реки, по которой бы не можно было на Камчатку проехать: но понеже по оным дорогам ездят токмо одни Камчадалы, или казаки по необходимому случаю, то о них писать нет нужды: для того что их проезжими почесть не можно» [5, с. 142—143].

И это еще далеко не все ошибки названного атласа. Например, все маршруты из Большерецка в Паратунку прорисовываются в нем по реке Плотниковой (Большой), тогда как на самом деле С. П. Крашенинников из Опачи (Апачи) ехал напрямую через горы к Начикинскому острогу. И лишь однажды обратной дорогой проехал по долине реки Плотниковой. Один из маршрутов С. П. Крашенинникова от Начикинского острожка (острожек Мышху) к Авачинской губе и обратно проложен напрямую — от реки Большой (Плотниковой) к долине притока реки Паратунки Лево́й Быстрой и по ней — к Паратунскому острогу. Однако сам С. П. Крашенинников постоянно отмечал, что от острожка Мышху к Паратун острожку и обратно он ездил по реке Аваче и ее притоку реке Корякской (Коонам речке). И ни разу — по реке Лево́й Быстрой.

Впрочем, предоставлю слово самому С. П. Крашенинникову: «Коонам речка течет в Авачу с южнoзападной стороны, а до вершины ея от устья верст с 50 полагается. По сей речке обыкновенно ездят с большой реки к Петропавловской гавани, а дорога проложена от острожка Мышху в верх по речке Сугачу до ея вершины, и отуду вниз по другой речке Сугачуж, которая пала в Коонам, до ея устья, а от устья вниз по речке Коонам до реки Авачи» [5, с. 38].

Кстати, о реке Коонам (Корякской) и поселке Корякском. Если верить С. П. Крашенинникову (а не верить ему оснований нет), то нынешний поселок Центральные Коряки к корякам, некогда обитавшим в долине реки Авачи, никакого отношения не имеет. Ибо, как пишет исследователь, «верстах в 8 ниже устья Коонам пала в Авачу с северу Имашху речка, над которою живут Коряки. Они были прежде оленными, но по отогнании оленей их неприятелями учинились сидячими и поселились на объявленном месте...» [5, с. 38—39].

Но единственной рекой, которая в Авачу впадает с севера в 8 верстах или в 16 км (верста — русская мера длины, равная 500 сажений или 1,0668 км. До XX в. существовала межевая верста в 1 000 сажений — 2,1336 км, употреблявшаяся для межевания и определения расстояний между населенными пунктами [Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А. М. Прохоров. 1990]) от устья реки Корякской, является река Пиначевская.

Вот и получается, что подлинный корякский острожек (который, судя по Крашенинникову, именовался Имашху) располагался не возле устья нынешней реки Корякской (а значит, добавлю, и современное название этой реки

не соответствует исторической истине), а возле устья реки Пиначевской. Кстати, только после восприятия этого факта становится понятным, почему самый высокий — Корякский — вулкан в Авачинской вулканической группе, стоящий как раз напротив устья реки Пиначевской, получил свое название. Впрочем, это я так, к слову. К слову о том, что Коряками более впору именовать современное Елизово, а не тот поселок — Центральные Коряки, который стоит в устье реки Корякской.

Не ездил С. П. Крашенинников и к Авачинскому вулкану, как считают составители атласа, проводя, к тому же, его маршрут к «Горелой сопке» от Аушина (Ниакшина) острожка. Сам С. П. Крашенинников по этому поводу пишет: «Генваря 27 дня посылал я служивого для проведывания пути к горячей горе, которой 29 дня поутру оттуда возвратился и объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника на санках никоими мерами и на подножье горы въехать невозможно» [4, с. 563]. И отсылал он служивого не из Ниакиной бухты (Аушина острожка), где он в 1738 г. не был, а из Паратунского острожка, где в этот свой первый приезд он пробыл три дня.

Неверно, к сожалению, проложен на этой (и всех прочих) карте-схеме и обратный путь от Паужетских источников. Вот что пишет об этом С. П. Крашенинников: «В Кожокчино жилье приехал возвратно от ключей того же марта 29 дня около полуночи. Из Кожокчина жилья поехали мы возвратно в Большерецк марта 30 дня в 4 часа поутру и того дня на вершинах Аадачя речки ночевали. Марта 31 дня приехали в острожек Талмжу около полудни и, понеже снег днем от жару весьма рухол и собакам от такой езды трудно, то мы в нем ночевали, а апреля 1 дня часах в 4 по п(олудни) в Большерецкий острог приехали. От Большерецкого острога до горячих ключей и оттуда возвратно, *где не тою дорогою, которую мы вперед ехали* (курсив мой. — В. Б.), сочинил описание пути, которое при сем рапорте прилагается» [4, с. 567]. То есть на обратном пути, где-то после устья реки Опалы, С. П. Крашенинников постепенно удалялся от морского берега и выехал к Большерецку вдоль западных предгорий вулканов Малая и Большая Ипелька.

Общей для всех названных карт-схем ошибкой является также то, что все его зимние маршруты по реке Камчатке проложены мимо Толбачинского острожка. Зато возникает ответвление от, примерно, нынешнего Козыревска к вулкану Толбачик и обратно. Правда, это ответвление исчезло на карте-схеме Н. Г. Фрадкова от 1974 г. Но и только. А ведь С. П. Крашенинников специально к вулкану не подъезжал, а лишь наблюдал его из Толбачинского острожка и на подъезде к нему. И всегда проезжал на нартах через Толбачинский острог.

Почти на всех названных схемах нет и маршрута 1739 г. по левой стороне реки Камчатки. Хотя сам С. П. Крашенинников по этому поводу пишет следующее: «Из острожка (Тулуачь, Толбачика. — В. Б.) поехали генваря 8 дня, часах в 8 поутру, и ехали вниз по Тулуачю реке верст с 30 до самого устья, где

она в Камчатку впала. От устья ее, отъехав с версту, вверх по Камчатке, взнялись на левой ее берег и в сторону от нее поехали.

Колю, Козыревская река, шириною с Толбачик (Тулуачь) реку, от повороту с Камчатки верстах в 10, вышла из хребта и от того места, где мы к ней приехали, верстах в 29 в реку Камчатку впала по течению с левой стороны. От Камчатки по сей реке поехали лесом и чистыми местами, а, приехав к ней, на нее спустились и ехали вверх по ней до нижеозначенного острожка.

Колюгере, или Накшин острожек, на правом берегу Козыревской реки, от спуска верстах в 2. Строения в нем 2 юрты, 11 балаганов, ясашных иноземцев 15 человек, в том числе 9 собольников, от Машурина до сего острожка прямою дорогою 87 верст.

В острожек приехали ввечеру часах в 7 и ночевали. Здесь подводы переменили. Из острожка Колюгере поехали генваря 9 дня, поутру часах в 6» [4, с. 658—659].

От этого острожка С. П. Крашенинников поехал к реке Быстрой. От нее он выехал к устью реки Козыревской, отъехал от него полторы версты вверх по реке Камчатке, выехал на ее правый берег и направился к Краушчь речке (реке Крахче). Проехав по этой реке вниз с «полутреть версты», 9 января прибыл в острожек Курахштар (Голков острожек), стоящий на правом берегу речки Краушчь.

То есть, как можно видеть, Крашенинников, отклонившись от прямого маршрута вдоль русла реки Камчатки, описал за два дня по ее левой стороне почти полный круг. Кстати, в «Карте путешествий Крашенинникова по Сибири и Камчатке», приведенной на 29 странице вступительной статьи Н. Н. Степанова к «Описанию земли Камчатки» [4], таковая «петля» присутствует, но проводится она почему-то по правой стороне реки Камчатки, а не по левой.

Есть в названных картах-схемах и еще некоторые упущения. Например, отсутствуют небольшие маршруты от Монастырской заимки к устью реки Камчатки и обратно, а также в острожек Табачаул-Кик, «которой стоит над Нерпичьим озером» и обратно к Монастырской заимке, совершенные Крашенинниковым 11—13 февраля 1739 г. [4, с. 590]. Не отмечена поездка из Нижнего Камчатского острога в Ключи и обратно 19—22 февраля 1739 г. [4, с. 590]. Отсутствует однодневный маршрут на батах вверх по реке Радуге от Нижнего Камчатского острога и обратно 27 сентября 1739 г. [4, с. 602] и поездка из этого острога в острожек Шваннолом и обратно 19—23 ноября этого же года [4, с. 603]. Не нашли отражения на схемах и более или менее постоянные поездки С. П. Крашенинникова в устье реки Большой, совершаемые им для описания приливов и отливов. А также поездка 2—4 августа 1740 г. на реку Начиллову для поиска жемчужных раковин.

Таким образом, упущений, искажений и откровенных ошибок у многочисленных комментаторов и толкователей путешествий С. П. Крашенинни-

кова более чем достаточно. И вызваны они были всего лишь невнимательным прочтением «Описания земли Камчатки». Причем, что особенно обидно, невнимательность проявили даже очень высокопрофессиональные специалисты. Например, тот же Б. П. Полевой, который, ни в малейшей степени не усомнившись, поместил в своем предисловии к факсимильному изданию «Описания земли Камчатки» карту-схему Н. Г. Фрадкина сорокалетней давности.

Правда, в данном случае он, скорее всего, доверился мнению хорошо ему известного автора. Но ведь он и сам в своей статье «Крашенинников Степан Петрович» писал: «Заинтересовавшись “востроверхой” Авачинской сопкой, он хотел совершить на нее восхождение, но не смог даже доехать до ее подножия «ради весьма глубоких снегов и частого кедровника» [7, с. 8]. А ведь сам С. П. Крашенинников по этому случаю сообщает: «В острожек (Паратунский. — В. Б.) приехали около полудни и пробыли в нем по 30 число сего месяца (января 1739 г. — В. Б.), понеже посылан был от меня на другой день по приезде сюда служивой для проведованья пути к горелой сопке, которой возвратился генваря 29 поутру и объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника, на санках никоими мерами и на подножье горы въехать невозможно. И того ради я из одного острожка в Большерецкий острог возвратился» [4, с. 652].

И это, надо сказать, далеко не единственный случай невнимательного прочтения Б. П. Полевым оригинала. В той же статье, в продолжение уже приводимой фразы, он пишет: «Обратно возвращался (Крашенинников. — В. Б.) с заездом на р. Быструю на термальные источники у острожка Мылши (современные Малки)» [7, с. 8]. На самом же деле Крашенинников там никогда не был, ибо, как он пишет, «горячие ключи в шести местах мною примечены, 1) на реке Озерной, которая течет из Курильского озера, 2) на речке Паудже, которая в Озерную пала, 3) на речке Бааню, которая за росошину Большой реки почитается, 4) близ Начикина острогу, 5) около Шемякинського устья, 6) на ее вершинах» [4, с. 212].

Кстати о горячих ключах и дорогах С. П. Крашенинникова. Возвращаясь из Нижнекамчатска в Большерецк вдоль восточного побережья полуострова, он, по его словам, на 100 верст проскочил по незнанию мимо Верхне-Семячинских источников. А когда узнал об их существовании, то специально возвратился назад, чтобы посетить их. Но и этот немалый «крюк» не отражен ни в одном из упоминаемых в данной работе источников.

Что же касается острожка Мылши, через который, как считает Б. П. Полевой, якобы проезжал С. П. Крашенинников на обратном пути из Паратун острожка, то он явно спутал его с острожком Мышху (Начикин острожек). Здесь С. П. Крашенинников на пути к Паратунке специально задержался на один день, чтобы побывать на Начикинских термальных источниках.

А вот что он пишет, например, о маршруте С. П. Крашенинникова по северу Камчатки: «28—29 января 1740 г. Крашенинников совершил переезд с р. Караги на р. Лесную, впадающую в Охотское море. Так он пересек наиболее узкое место полуострова, где с перевала в ясную погоду видно одновременно два моря — Берингово и Охотское» [7, с. 10]. То есть, утверждает историк, самое узкое место полуострова приурочивается к промежутку между реками Лесной и Карагой. А вот это ошибка и ошибка весьма серьезная. Ибо наиболее узким местом полуострова, если исключить мыс Лопатку, является Камчатский перешеек, соединяющий полуостров с материком. И чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на географическую карту.

Кстати, приведенное суждение Б. П. Полевого о самом узком месте полуострова повторяется, буквально, в десятках работ этого плодовитого ученого. Причем, специально подчеркну, всякий раз для подкрепления данного утверждения он использует одну и ту же выдержку из «Описания земли Камчатки»: «Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно...» Вот и в этом случае в ссылке под номером 46 он приводит эту же фразу без всякого изменения [7, с. 22].

И все бы ничего, но в труде С. П. Крашенинникова написано совсем не то, и совсем не так: «Камчатскою землицею и Камчаткою просто называется ныне оной великой мыс, который составляет последний предел Азии с восточную сторону, и от матерой земли в море около семи градусов с половиною с севера на юг простирается».

Начало сего мыса полагаю я у Пустой реки и Анапкоя, текущих в ширине $59^{\circ}1/2$ из которых первая в Пенжинское, а другая в Восточное море впадает. 1. Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно, а далее к северу земля становится шире, чего ради узкое сие место, по моему мнению можно почесть за начало перешейка, соединяющего Камчатку с матерою землей, 2. что присуд камчатских острогов токмо до объявленных мест простирается, 3. что северные места за тем пределом Камчаткой не называются, но больше принадлежат заносью, под которым именем Анадырской присуд заключается. Впрочем, не совсем опровергаю и то, что подлинное начало сего великого мыса между Пенжиною рекою и Анадыром почитать должно» [4, с. 98—99].

То есть, как можно видеть, говоря о самом узком месте полуострова, С. П. Крашенинников имел в виду собственно Камчатский перешеек. И ни разу бывший студент не употребил этих слов по отношению промежутка между устьями рек Лесной и Караги.

Из всего сказанного можно сделать несколько выводов, которые нам пригодятся в последующем. Вывод первый — Крашенинников знал географию региона куда как лучше, чем многие пользователи его материалов. Вывод

второй — излишняя доверчивость к комментаторам классиков далеко не всегда уместна. То есть, одно дело, когда человек, желая побыстрее получить какие-нибудь сведения о чем-либо, подходит к этому чисто прагматически, обращаясь к лежащим «под рукой» источникам информации, каковыми и являются всякого рода компиляции и вольные переложения классических трудов. И совсем иное дело, когда он пытается по-настоящему, поглубже разобраться в сути дела — тут уж без внимательного прочтения и анализа самих первоисточников никак не обойтись.

Ну и, наконец, вывод третий, и основной. Только внимательный анализ первоисточников может подвигнуть на поиск нового материала, на выяснение новых обстоятельств, на обоснование иных идей и преставлений, на выдвижение, наконец, новых проблем и суждений. Одной из таковых лично для меня и послужила проблема поездок С. П. Крашенинникова по Камчатке, к которым я и возвращаюсь.

Не берусь сразу же восстановить подлинность всех маршрутов С. П. Крашенинникова по полуострову. Но один из них опишу поподробнее. И начну с того, что на всех перечисленных картах-схемах, за исключением схемы на 29 странице предисловия к изданию 1949 г., путь С. П. Крашенинникова от Нижнекамчатска к Караге, на участке — точнее — от устья реки Камчатки и до устья реки Уки, прокладывается по самому берегу моря.

Но вокруг Камчатского и Озерновского полуостровов по самому берегу моря можно пройти только пешком. Да и то с презрительным трудом и лишь в летнее время. Так что и это не соответствует действительности. И не соответствует тем более потому, что с западной стороны горные массивы этих полуостровов окаймляются очень удобными для проезда межгорными равнинами и речными долинами, по которым испокон веков пролегалая санный дорога ительменов.

И в самом деле, как пишет С. П. Крашенинников: «По другой дороге также можно переехать до реки Караги, которая вершинами сошлась с Лесною рекой, в 10 дней. Из нижнего Камчатского острога верст около 9 надобно ехать вниз по реке Камчатке, а оттуда чистыми местами до острожка Кыппынгана (на озере Нерпичьем или Колко-Кро. — *В. Б.*), где обыкновенно первую ночь ночуют: другую в острожке Агуйкунч, или Столбовском (на озере Столбовом. — *В. Б.*), как просто называется, третью на пустом месте (оставив позади Камчатский полуостров. — *В. Б.*), четвертую на Какеичь речке в острожке того ж имени, пятую в острожке Шевань (верховья реки Озерновский Севан, левого притока реки Озерной. — *В. Б.*), шестую в острожке Бахатанум над Укинским заливом или на Налачевой реке, которая от Бахатанума токмо в 6 верстах, седьмую на речке Уакамелян у тойона Холюли, осьмую на реке Русаковой, девятую на реке Кутовой, десятую в острожке Кыталгын, от которого река Карага только в трех верстах» [5, с. 145—146].

Почему никто не увидел этого описания дороги — мне непонятно. Вернее сказать, я еще могу как-то понять «европейских», так сказать, историков, которые никогда не бывали на Камчатке, а если и бывали, то не далее Петропавловска-Камчатского и его окрестностей. Ну хотя бы потому могу понять, что, не зная всех тонкостей географии полуострова, они попросту не имели подлинного представления о строении берегов камчатских морей. Хотя, конечно же, говорить о маршрутах исторических лиц, не поднимая при этом соответствующий географический материал, не очень логично.

Могу я понять и камчатских краеведов, которые, говоря об истории Камчатки (и много об этом зная), временно забывают об его географии, и наоборот, говоря о природе и географии полуострова (и опять же поражая эрудицией), на время забывают об его истории. Потому могу понять, что нормальный человек, как это установлено психологами, будучи способным одновременно удержать в памяти от трех до десяти фактов, принадлежащих к одной и той же сфере интересов, оперировать, тем не менее, более чем с двумя-тремя фактами, относящимися к различным областям знания, не может. То есть, в нашем случае, у местных краеведов, когда они говорят о географии полуострова, на время «отключается» тот свод знания, который относится к истории, и наоборот.

Но даже при всем этом совершенно непонятно, как целые поколения историков и краеведов, десятки лет обсуждая тему путешествий С. П. Крашенинникова по Камчатке, не смогли увидеть в его книге описания реального маршрута от Нижнекамчатска к реке Караге и как объяснить полное отсутствие рассмотрений его маршрутов по рекам Колпаковой и Воровской? Притом, что дотошный студент описывал свои маршруты самым тщательнейшим образом. И не отметить этот парадокс я не имею права. Как не имею права не привести более подробного описания всего маршрута С. П. Крашенинникова от Нижнекамчатска до Тигиля.

«За Камчаткою первая впадает в море река Унагкыг, которая течет из озера длиною 10, шириною 5 верст. Казаки называют оную реку Столбовскою, для того что с южную сторону есть в море неподалеку от берега три каменных столба, из кой которых одни вышиною до 14 сажень, а прочие пониже. Оные столбы оторваны некогда силой трясения или наводнения от берега, что там нередко случается: ибо в недавняя времена оторвало часть онаго берега вместе с камчатским острожком, который стоял на мысу по край онного. Камчадалы тот час сложили о том баснь, будто оной острожек разорен от морских касаток по причине произошедшей ними и камчадалами ссорами за ножик, которого требовали касатки.

Между Камчаткою и сею рекой вытянулся в море Камчатский нос, о котором при описании реки Камчатки объявлено. Море между оным и Кроноцким носом свойственно называется Камчатским.

С устья Столбовской реки на Камчатку есть и водный путь, а имянно по Столбовской реке до Столбовского озера, из которого она выпала, верст с 15. Столбовским озером до устья впадающей во оное Точкальнум речки верст с 10. Точкальнум речкою до переволоки столько же; оттуду перетянув баты версты с две болотными местами до речки Пежаныч или Перевалочной (то есть, известна русским эта дорога была еще до Крашенинникова. — *В. Б.*), которая течет в озеро Колко-кро (Нерпичье. — *В. Б.*), переволочкою выплывают на объявленное озеро, а озером через исток в Камчатку.

Зимнею дорогою от Столбовской реки до Камчатки переезду небольшие сорока верст. Места, которыми ездят, все ровныя, так что ежели случится когда великое наводнение, то легко зделается пролив из реки Столбовской в Камчатку, нынешний Камчатский нос будет островом, как Карагинский.

От столбовской реки верстах в 12 течет в море речка Алтен-кыг, которая от Камчадалов за приятную касаткам почитается: ибо сказывают они, что касатки по ней ходят обыкновенно на промыслы.

За Алтен-кыгом в 3 верстах Увадачь, откуда в 5 верстах Уриленичь; от Уриленича в 8 верстах Еженглюдема, близко ея Хоель-еженгли (большая звезда), от больших звезд верстах в 2 Кумпанулаун, потом Колотежань, Кошходань, Карагачь, Токоледь (большая), Колемкыг (малая) а на последок Озерная. От Кумпанулауна до Колотежана расстояния с версту, от Колотежана до Кошходана версты с 2, от нее до Карагачи версты с три, от Карагача до Токоледы с четверть версты, от Токоледы до Колемкоча версты с 4, а от Колемкоча до Озерной верст с 8.

Озерная река по камчатски Коочь-агжа, течет из под горы Шишила, а Озерною называется для того, что течет сквозь озеро, которое от устья ея в верстах 80. Камчадалы называют оную Коочь-ажга, то есть Еловское устье, потому что по ней можно проходить в батах на Еловку, как о том выше при описании Еловки объявлено. Близ устья сошлася с нею речка Уку, которая вышла из одного озера с вышеописанною Алтен-кыгом.

От устья сей речки начинается Укинский (Озерновский. — *В. Б.*) нос, а по камчатски Тельпень, которой верстах на 70 выдался в море.

Келюгычь (горбушья) речка от устья Озерной в 2 верстах, а от ней верстах в 3 речка Какеичь, над которою стоит Камчатский острожек одного с ней имени. В сем острожке случилось мне видеть обряды, как камчадалы после знатного тюленья промыслу, кости их будто бы гостей провожают, о чем в своем месте объявлено будет обстоятельно.

От Какеича в 20 верстах течет Кугуйгучунь речка, которая впадала во внутреннюю губу (залив Маламваям. — *В. Б.*) длиною версты на 10. Между устьем Озерной и сей речки с 37 верст расстояния, а в верху так они близко сошлися, что с реки на реку переходу не более 20 верст.

В 7 верстах от Кугуйгучуна находится славная Укинская губа, которая в округе верст около 20 имеет, и которую кончается Укинский нос (на самом деле Укинский нос или Озерновский полуостров ограничивается заливом Маламваям. — В. Б.) с северною сторону» [5, с. 51].

Далее, скажу от себя, дорога действительно идет по самому берегу, который на всем протяжении до реки Караги представляет собой серию аккумулятивных кос многочисленных рек, отшнуровывающих устья этих рек от моря. Что же касается дороги от устья реки Караги через перевал до устья реки Уемлян (Лесной), то С. П. Крашенинников насчитывает здесь около 150 верст, ибо, как он сам пишет, «оное разстояние посредственною ездою переехал невступно в три дни» [5, с. 79].

От реки Лесной, продолжу дальнейший пересказ своими словами, недалеко от устья которой располагался одноименный острожек, до устья реки Кинкиль и Кинкильского острожка верст, по счислению С. П. Крашенинникова, с двадцать. И тут дорога действительно проходит вблизи морского берега. Но все же не по нему, а по приморским террасам.

От Кинкильского острожка дорога вновь отходит от моря, и по реке Кинкиль и по урочищу Волчий перегон, представляющему собой ровное тектоническое понижение между отрогами Срединного хребта с востока и Кинкильским поднятием с запада, через сорок верст выходит к среднему Паланскому острогу (Ангавить острожек), располагавшемуся на берегу р. Паланы (Качеить-ваем) и отстоявшему от моря на двадцать верст. То есть на этом участке путь С. П. Крашенинникова пролегал достаточно далеко от берега моря.

Вновь ближе к морю нартовая дорога и летняя тропа коряков подходили в районе устья реки Пятибратки, где располагался одноименный корякский острожек, в котором обычно ночевали на пути из Паланского острога или наоборот. Причем от среднего Паланского острога туда можно было попасть либо через нижний Паланский острог (Онотойнеран), стоящий в пяти верстах от морского берега, либо через верховья реки Пятибратки и по ее долине.

В 33 верстах от реки Паланы течет река Кактана (Кахтана), возле устья которой с южной стороны вытянулся в море каменный мыс, вследствие чего тропа выходит совсем близко к морскому берегу, в нескольких верстах от которого располагался острожек Гырачан.

В 35 верстах от Кахтаны протекает река Ваем-палка (Воямполка), над которою стоял корякский острожек Минякун. Если учесть, что современное село Воямполка расположено в тридцати, примерно, километрах от берега моря, то можно убедиться, что тропа и нартовая дорога вновь достаточно далеко отходили от морского берега.

От реки Воямполки тропа выходила к корякскому острожку Оманино (Аманина), располагавшегося в 18 км от устья реки Аманиной. От этого острожка обыкновенно проезжали либо до стойбища коряка Тынгену, располо-

женного в тринадцати верстах от устья реки Тигиль, либо до корякского острожка Калауч, стоявшего в двадцати верстах от моря.

Таким образом, и по западному побережью маршрут С. П. Крашенинникова также проходил не по самому берегу моря, как об этом можно подумать при обозрении упомянутых карт-схем, а вдоль него.

Ну а далее маршрут С. П. Крашенинникова к Нижнекамчатску пролегал, как это и описано у всех исследователей, по долинам рек Тигиль, Седанка, Еловка и Камчатка. Так что можно было бы и не описывать эту часть его дороги. Однако есть причина, по которой все же стоит привести авторское описание. Причем, хотя оно и приводится в обратном (встречном) направлении движению самого С. П. Крашенинникова, я не стану переводить его в «зеркальное» отражение. Все же подлинник есть подлинник.

«Из Нижнего Камчатского острога в северные места Камчатки до пределов уезду ея в северныя две проежжия дороги, одна чрез Еловку на Пенжинское море, а другая по берегу Восточнаго моря. Первая дорога лежит вверх по Камчатке до устья реки Еловки и вверх по Еловке до самой ее вершины, а от вершины чрез хребет на вершины реки Тигиля, по которой доезжают до самого моря, а оттуду неподалеку от моря до Лесной и Подкагирной, где кончится уезд Камчатский.

Умеренною ездою, буде нет на дороге препятствия от погоды, переезжают из нижнего Камчатского острогу к нижнему Тигильскому острожку, что Шипиным называется (современный Тигиль. — В. Б.), в 10 дней. Первую ночь ночуют у Камака в острожке, другую в Каменном, третью у Харчина, четвертую у Неведа, от Неведа на другой день доезжают до хребта Тигильского, на третей до Нютевена острожка, на четвертой до Мыжолга, на пятой до старого Шипина жилища, на шестой до жилья Коряки Тынгену, которое от Тигильского устья неболеет как верстах в 13.

От Тигиля следуя к северу первую ночь ночуют на Оманине, другую на Ваемпалке, третью на Кактане, четвертую у пяти братьев, пятую в среднем Палланском острожке, шестую на Кинкиле, седьмую на Лесной, а от Лесной на другой день доезжают до Подкагирной» [5, с. 144—145].

А причина, по которой стоило привести описание этой части маршрута, заключается в том, что на большинстве карт-схем путь С. П. Крашенинникова от Харчинского острожка к Нижнему Камчатскому острогу прорисован не по северным и северо-восточным предгорьям вулкана Харчинского, а вдоль западных и южных склонов обоих зареченских вулканов.

Таким образом, из описания маршрута от Нижнекамчатска до Караги становится ясным, что санный путь ни в коем случае не мог проходить по морскому побережью Камчатского и Озерновского полуостровов. Как, кстати, не мог он проходить и по морскому побережью вокруг Кроноцкого полуострова, ибо, как пишет С. П. Крашенинников: «От южного Култука

бобрового моря следуя поперек Кроноцкого носу с 50 верст перевалу через горы до речки Шоау, которая по другую сторону помянутого мыса в море впадает» [5, с. 48].

Что же касается путей С. П. Крашенинникова по западному побережью, то более или менее близко к морю они подходили лишь на некоторых участках. Но и в этих случаях они никогда не пролегали по самому берегу моря. Так что единственными местами, где северный маршрут С. П. Крашенинникова действительно проходил по морскому побережью, являются участки от устья реки Столбовой до устья реки Озерной и от Укинской губы до реки Караги. А на юго-западе полуострова — на участке от устья реки Большой до устья реки Озерной.

Таким образом, анализ первичного текста и созданных на его основе карт-схем поездок С. П. Крашенинникова по полуострову показывает, что многие комментаторы «Описания земли Камчатки» проявили либо невнимательность при прочтении самого описания, либо незнание географии полуострова, либо то и другое одновременно. И этот вывод лучше всех прочих доводов доказывается подлинным материалом из «Описания дорог студента Крашенинникова» [3], к которому я и отсылаю читателей (приложение).

Разумеется, это не означает, что моих собственных доводов недостаточно для того, чтобы убедить вдумчивого читателя в правоте моих суждений, представлений и обобщений. Однако целью моих изысканий является не убеждение кого бы то ни было в чем бы то ни было, а установление истины. А в этом деле никто, кроме самого С. П. Крашенинникова, не может сказать последнее слово. И это слово я ему предоставляю. Но предварительно замечу, что для того, чтобы последующее племя исследователей могло без лишней затраты времени и труда пользоваться этим «Описанием» (а это неизбежно, так как оно выполнено с указанием конкретных дат, мест и расстояний), я немного сократил (за счет, например, исключения сажен, тем более, что они в авторском тексте встречаются sporadически), материал самого Степана Петровича, а местами чуть-чуть и переиначил (путем приведения, например, соответствующих современных названий) его первоначальный текст. Но не более того.

Из этого описания со всей непреложностью следует, что, во-первых, С. П. Крашенинников трижды — в 1738 и в 1740—1741 гг. — ездил по реке Облуковиной, причем в последний раз проезжал по ней туда и обратно; что, во-вторых, он никогда не ездил по рекам Колпаковой и Воровской; и что, в-третьих, не ездил он и по морскому побережью вокруг Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов. Как не ездил он и по морскому берегу и по пути от Большерецка до реки Облуковиной.

И это полностью подтверждает все те сомнения, которые были высказаны мною по отношению к имеющимся оценкам маршрутов С. П. Крашенин-

никова в начале статьи. Вот отчего вместо заключения я еще раз вернусь к высказанным там мыслям. К мысли о том, что, соприкоснувшись с историей открытия и освоения Камчатки, я с некоторым удивлением для себя обнаружил в ней изрядное количество неувязок, неточностей, а то и попросту открытых ошибок, появление которых было обусловлено целым рядом причин. Излишне, например, буквальным восприятием некоторых, и далеко не всегда очевидных, данных, содержащихся в исторических документах, или, наоборот, столь же излишне вольной трактовкой однозначных исторических фактов.

К мысли о том, что немаловажную роль в появлении подобных исторических и географических ошибок играет то, что многие историки недостаточно хорошо знают специфические особенности природы региона, а многие географы — особенности процессов его открытия и освоения, в результате чего первые часто путаются в географии, а вторые, и не менее часто, — в истории.

И, наконец, к мысли о том, что все это вместе нередко приводило многих авторов, в том числе и самых высокопрофессиональных, к не совсем верным, а иногда и вовсе к неверным выводам при оценке реальных исторических событий. Что и подтверждает факт более чем существенного искажения описания маршрутов С. П. Крашенинникова по Камчатке.

ИСТОЧНИКИ

1. *Андреев А. И.* Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова // Памяти С. П. Крашенинникова. — Л.: Главсевморпуть, 1939. — С. 5—64.
2. Камчатка. XVII—XX вв. Историко-географический атлас. — М.: Роскартография, 1997. — 112 с.
3. *Крашенинников С. П.* Описание дороги студента Крашенинникова // С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Подгот. текста и вступит. статья проф. Н. Н. Степанова. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 196—224.
4. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. — 842 с.
5. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — 438 с.
6. *Полевой Б. П.* Предисловие // Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — С. 3—29.
7. *Полевой Б. П.* Крашенинников Степан Петрович // Писатели Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. — С. 5—28.
8. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 3 июля 1700 г. // Землепроходцы. Т. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — С. 20—25.
9. *Фрадкин Н. Г.* С. П. Крашенинников. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1954. — 45 с.
10. *Фрадкин Н. Г.* С. П. Крашенинников. — М.: Мысль, 1974. — 60 с.

МАРШРУТЫ С. П. КРАШЕНИННИКОВА ПО КАМЧАТКЕ
(по С. П. Крашенинникову, с адаптацией автора)

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1737	октябрь	4	<i>Из Охоцкого острога на судне «Фортуне»</i>	1 000
		14	<i>чрез Пенжинское море отправился</i>	
		15—20	Прибыли на Камчатку у устья Большой реки	
		21	Прожили у моря за неимением батов	
		22	От устья вверх по Большой реке отправился Приехал в Большерецкий острог	33
1738	январь		<i>От Большерецка до имеющихся вверх по Большой реке теплых вод и оттуды до Авачинской горелой сопки и обратно</i>	
		17	Из Большерецка прибыл в Сивушкин острожек	4
		18	Прибыл в Каликин или Опачин острожек	44
		19	Пробыл в оном острожке, для того что посылал обратно в Большерецк служивого для привезения термометра. Поехал по Ачкуж речке	38
		20	Доехал до речки Пикада	16
		21	Был на горячих (Больше-Банных) ключах	26
		22	От горячих ключей выехал до речки Ачкужа и по ней доехал до острожка Мышху или Начикина	66
		23	Ездил к горячей речке (Начикинские источники), которая в 5 верстах выше острожка в Большую реку (так тогда называлась река Плотникова. — В. Б.) пала, по течению с правой стороны, и того же дня обратно приехал в Начикин острожек	10
		24	Прибыл в Шиякокуль острожек	29
		25	Приехал в Имашху острожек	12
		26	Доехал до Кыттынан острожка	5
		26	Прибыл в Паратун острожек против которого Горелая сопка	18
		27—29	Пробыл в упомянутом острожке для собрании некоторых известий	
		30	Возвратно поехал в Большерецкий острог и прибыл в Кыттынан острожек	18
		31	Прибыл в Мышху острожек	46

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1738	февраль	1	Доехал до Каликина острожка	74
		2	Приехали в Большерецкий острог	44
	март		<i>От Большерецкого острога до впадающих в Озерную реку теплых вод и оттуда обратно до Большерецкого острога</i>	
		19	Из Большерецка отправился к Коажчхажу острожку	14
		20	Доехали до устья Большой реки	19
		21	Приехали на речку Опалу	63
		22	Прибыл в Кууюхчен острожек	22
		23	Приехали в Аручкино жилье	51
		24	За пургою стояли	
		25	Кожокчино жилье	10
		26—28	За пургою стояли	
		29	Поехали к горячим ключам, которые текут в впадающую в Озерную реку речку Паужу, затем к другим горячим ключам, впадающим в Озерную реку, и от них повернули обратно до речки Паужи и до Кожокчина жилья	55
		30	Доехали до вершины Аадачь речки	118
	апрель	31	Приехали в Тальмжу острожек	40
		1	В Большерецкий острожек приехали	20
	ноябрь		<i>От Большерецкого острога до Верхне-Камчатского острога</i>	
		19	Из Большерецка выехали в верхний Уткинский острожек	22
		20	Чаипынган острожек над Кыхчиком рекою	47
		21—22	Прожили в острожке для описания случившегося камчатского праздника	
		23	Через Немтик реку доехали до Кол реки	45
		24	Приехал в Гыг острожек	53
		25—27	Пробыл в острожке за неотправлением подвод	
		28	Через реку Брюмкина доехал до реки Конпакова	36
		29	Доехали до Крутогоровой реки	36
	декабрь	30	Стояли за пургою	
		1	Доехали до реки Оглукомина (Облуковина)	24
		2—4	Стояли за неотправлением подвод (нарт)	
		5	Прибыли на Амаг речку	43
		6	Доехали до речки Ткеяху	44
		7	Остановились на Кирганик реке	28

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1738	декабрь	8 9—31	Приехали в Верхний Камчатский острог Был в Верхнем Камчатском остроге	48
1739	январь	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16	Был в Верхнем Камчатском остроге Приехал в Кырген острожек Доехали до Машурина острога Дневали для отдыха собакам Приехали в Уэптыж острожек Прибыли в Шепен (Шапино) острожек Доехали до острожка Тулуач (Толбачик) Прибыли в острожек Намакшин Проехав устье реки Козыревской, приехали в Голев острожек Проехали Талачев острожек, острожек Усть-Кыг (Ушки) и прибыли в Ошококуль острожек (6 верст) Доехали до Кру-Кыга (Крюки) и затем до речки Крестовой Доехали до Харчин острожка От Харчин острожка доехали до Каменного острожка и, затем, до острожка Шваннолом Прибыли в Капичурер острожек Начало Щок урочища Приехали в Нижний Камчатский острог С 17 января по 10 февраля пребывал в Нижнем Камчатском остроге	 21 31 23 16 37 43 35 21 41 43 45 8 9 25
	февраль	11 12 13 14—19 19 20 21 22	Поехал от Нижнего Камчатского острога к Монастырской заимке и к устью реки Камчатки Приехал в Табачаул острожек Вернулся в Монастырскую заимку и Нижний Камчатский острог Пребывал в Нижнем Камчатском острожке Из Нижнего Камчатского острожка доехал до острожка Шваннолом Приехал в Каменный острожек и в Ключи Вернулся в Шваннолом и ночевал Приехал в Нижний Камчатский острог С 23 февраля по 17 марта пребывал в Нижнем Камчатском остроге	 30 14 40 42 50 48 42
	март	18 19 20	Из Нижнего острога приехал в Куменю-Кунч Приехал на речку Криль Доехали до Кашкау острожка	30 20 60

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1739	март	21	Стояли для отдыха собакам	
		22	Приехали на Аань речку и, затем, на Уч-хан речку	46
		23	Приехали в острожек Кожия	47
		24	Доехали до Эжкун острожка	29
		25	Достигли острожка Кемшч или Камашки	38
		26	Проехали горячую речку и приехали в Шемеч острожек	26
		27	Ездил описывать горячую речку и, повернув обратно, доехал до реки Березова	25
		28	Прибыли в Оретынган острожек	33
		29	Жили в острожке за ненастьем	
		30	Проехали исток Калыгири и прибыли в Ашумтан острожек	40
		31	Дневали	
	апрель	1	Поехали обратно к горячим водам, о которых в проезде иноземцы не сказали, и приехали в острожек Оретынган	40
		2	Приехали в Шемеч острожек	50
		3	Ездил к имеющимся на вершине Шемеча речки горячим водам и отуды обратно приехал в острожек Шемеч	10
		4	Приехал в Калигары изток (исток)	68
		5	Доехал до острожка Ашумтан	22
		6	Приехал в Шотохчу острожек	24
		7	Прибыл в острожек Анкомпо	45
		8	Приехали в Паратун острожек	16
		9	Доехали до Кыттынан острожка	18
		10	Приехали в Мышху острожек	46
		11	Прибыли в Каликин острожек	74
		12	Стояли за непогодою	
		13	Приехали в Большерецкий острог	44
	август		<i>От Большерецка до Верхнего Камчатского острога водяным путем</i>	
		23	Из Большерецка поехали батами вверх по реке Быстрой. Доехали до заимки Остафьева	8
		24	Запороцкова заимка, Карымова заимка, Карымаев острог	14
		25	Пробыли за вожем (ожидали проводника)	23
		26	Кыкшугын порог	
		27	Хачпанганачу речка	12
		28	Чачангыч речка	10
		29	За дождем стояли	
		30	Степанова речка	2
		31	Ичунган речка	9

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1739	сентябрь	1	Кобня речка	7
		2	Пангычу речка	28
		3	Чааякую речка	11
		4	Ганалино жилище	25
		5	Умнахучу речка	18
		6	Вершина Быстрой реки, с которою вершина реки Камчатки сошлась	24
		7	Пушина речка	12
		8	Амча-Кыг речка	4
		9	От Амча-Кыг поплыли батами вниз по реке Камчатке, а от Ганалина жилья до сей речки шли пешком. Приплыли в Верхней Камчатской острог	39
		10—16	Были в Верхнем Камчатском остроге	
		17	Из Верхнего Камчатского до Нижнего и до устья Камчатки реки поплыли батами. Приплыли в Халчев остров	38
		18	Машурин острог	32
		19	Кылуопугучиней	64
		20	Устье Щапиной речки, Федотовщина речка	42
		21	Голянур речка, Козыревская речка, Старое Саловарово жилище	110
		22	Ус-Кыг (Ушки), Кру-Крыг (Крюки), Крестовая речка	47
		23	Еловка река, Старой Нижней Камчатский острог, Курарачи речка	37
		24	Куан острожек. Ильчумчь речка, от которой щоки начинаются	48
		25	Приплыли в Нижней Камчатский острог. До 5 октября были в остроге	27
	октябрь	6	Поплыл батами к морю. Монастырская заимка	26
		7	Устье Камчатки, где в море пала	4
			От устья обратно приехали в Нижней острог До 10 января 1740 г. был в Нижнем остроге	30
1740	январь		<i>От Нижнего Камчатского острога по Восточному морю до реки Караги и вверх по Караге и вниз по Лесной до Пенжинского моря и по Пенжинскому морю до устья Тигиля реки и от Тигиля до Харчина и до Нижнего Камчатского острога</i>	

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1740	январь	11	Из острога отправился в Кайпынган острожек	9
		12	Столбовское озеро. Агуйкунчь острожек	50
		13	Дневали за пургою	
		14	Кожходан речка	32
		15	Уку река, Озерная река. Какенич речка	37
		16—17	Дневали за непогодою	
		18	Шеван острожек	35
		19	Бахатанум острожек близ Уки реки	37
		20	Налачева река (река Начики)	6
		21	Уакамельяк острожек	39
		22	Чанум-кыг, или Русакова речка	16
		23	Кутова река. Мекемена острожек	52
		24	Дневали	
		25	Карага река	40
		26	Гыттыхемтун речка	20
		27	Вершина Караги реки. Вершина Увычен речки	71
		28	Лесная река. Нечино жильё	42
		29	Кинкиля река	23
		30	Паллан река. Средней Палланский острог	44
		31	Пятибратней острожек	32
	февраль	1	Кактану-ваем	16
		2	Ваемпалка река	47
		3	Дневали	
		4	Оманина, или Капеин, речка. Гучуген острожек	70
		5	Тигиль река	18
		6	Муллаган острожек	30
		7	Мьжоголг речка	30
		8	Кулвауч острожек	24
		9	Дневали	
		10	Вершина речки Эшхлин (река Седанка)	57
		11	Красная сопка. Еловка река. Орлова речка	48
		12	Колалонуль острожек. Харчин острожек	72
		13	Каменной острожек	27
		14	В Нижней Камчатской острог приехал	51
		15—23	В Нижнем Камчатском остроге пребывал <i>Из Нижнего Камчатского и до Верхнего и оттуды вверх по Повыче (Кавыче) реке до берегу Восточного моря и берегом Восточного моря до реки Авачи и оттуды до Большерецкого острога</i>	
		24	Из Нижнего Камчатского острога поехал в Шваннолом острожек	42

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1740	февраль	25	Харчин острожек	49
		26	Крестовский острожек	43
		27	Голков острожек	61
		28	Тулуач (Толбачинский) острожек	78
		29	Шепень острожек	37
	март	1	Машурин острог	39
		2	Дневали	
		3	Приехали в Верхней Камчатской острог	52
		4—7	Пробыли в Верхнем Камчатском остроге	
		8	Выехали из Верхнего острога. Элюдянган речка	21
		9	Кыжкажем-Харем. Верблюжье горло. Ало-кино жильё	68
		10	Дневали за подводами	
		11	Кошхподам острожек	32
		12	Дневали за ненастьем	
		13	Оретанган острожек	45
		14	Ашумтан острожек	40
		15	Шотохчу острожек	24
		16	Анкомпо острожек. Тареин острожек за губой	60
		17	Паратун острожек	16
		18	Кыттынган острожек	18
		19	Мышху, или Начикин острожек	46
		20	Каликин (Опачин) острожек	74
		21	Приехали в Большерецкий острог	44
	ноябрь		<i>Послан из Большерецка в Нижний острог и оттуды к оленным корякам от адъютанта господина Штеллера</i>	
		25	Выехали из Большерецка в Уткинский острожек	22
		26	Жили за пургою	
		27	Кыкчик река	47
		28—30	Жили для описания иноземческих праздничных обрядов	
	декабрь	1	Кол река	43
		2	Воровская река	53
		3	Конпакова (Колпакова) река	36
		4	Кругогорова река	36
		5	Оглукомина (Облуковина) река	24
		6	Дневали на Оглукоминой (Облуковиной)	
		7	Пустая юрточка	40
		8	Оглукоминский (Срединный) хребет	47
		9	Кырганик река	28
		10	Приехали в Верхней Камчатской острог	44

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1740	декабрь	11—16	Пробыл за разными отправлениями	
		17	Поехал их Верхнего Камчатского острога на Кырганик реку	21
		18	Машурин острожек	31
		19	Стояли за тем, что снег весь покрыт был выкинутою из Толбачинской горелой сопки сажею	
		20	Шапина (Шапина) река	53
		21	Дневали за пургой	
		22	Толбачик река	37
		23	Дневали для собрания известий о возгорании Толбачинской сопки	
		24	Голков острожек	78
		25	Дневали за пургою	
		26	Талачев острожек	22
		27	Крестовая речка	62
		28	Харчин острожек	43
		29	Шванолом острожек	45
		30	Приехали в Нижней Камчатской острог	43
			С 31 декабря 1740 года по 3 февраля 1741 года пребывал в Нижнем Камчатском остроге	
1741	февраль		<i>Из Нижнего Камчатского острога, не ездя к корякам, обратно в Большерецк поехал, потому что утхолецкие и подкабирные коряжки изменили и несколько казаков и служивых побили</i>	
		4	Из Нижнего Камчатского острога в Шванолом острожек приехал	42
		5	Харчин острожек	45
		6	Крестовая река	43
		7	Голков острожек	84
		8	Дневали за пургою	
		9	Толбачик река	78
		10	Шапина река	37
		11	Дневали	
		12	Машурин острожек	53
		13	Дневали за подводами	
		14	Кырганик река	31
		15	В Верхней Камчатской острог приехали	21
		16—20	Пробыли за разными отправлениями	
		21	Из Верхнего Камчатского острога поехали до Оглукоминского (Срединного) хребта	76
		22	Пустая юрточка	47
		23	Оглукомина (Облуковина) река	40

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1741	февраль	24	Дневали	
		25	Кругогорова река	24
		26	Дневали	
		27	Конпакова (Колпакова) река	36
		28	Воровская река	36
	март	1—3	За пургой стояли	
		4	Кол река	53
		5	Дневал	
		6	Кыкчик (Кихчик) река	43
		7	Подводьы отпуста наперед, дневал	
		8	Приехал в Большерецк	69
	апрель		<i>Из Большерецка до гавани святых апостол Петра и Павла, что прежде Авачинскою губою называлась, отправился с господином профессором Ла Кроером</i>	
		6	Из Большерецка в Каликин острожек приехал	44
		7	Начикин, или Мышху, острожек	74
		8	Кыттынан острожек	46
		9	Паратун острожек	18
		10	Приехали в гавань святых апостол Петра и Павла	30
		11—19	Жил за отправлением своим в Иркутк	
		20	Поехал обратно в Большерецк. Паратун острожек	30
		21	Начикин острожек	64
		22	Опачин, или Каликин острожек	74
		23	Приехал в Большерецкий острог	44
	май	28	Поехал из Большерецка к устью для переезду в Охоцк через море на галиоте «Охоцке» и того же дня к оному приплыл	33
	июнь	12	Вышли из Большерецкого устья	